

совѣтъ полезнѣе. Академія можетъ принести еще болѣе за- 1845 г
ботъ и безокояствъ, разстроитъ совершенно ваше слабое
здоровье, а польза за горами;—тамъ учености много и пре-
много и безъ насъ грѣшныхъ. Хорошо держаться и на
своёмъ мѣстѣ, но трудно и мудрено въ нынѣшній коло-
вратный вѣкъ съ сихъ лѣтъ и въ городѣ. Вы каждый день,
на каждомъ шагу должны сражаться, не говорю съ духами
злобы поднебесной, но съ пресмыкающимися тварями — кле-
ветниками братіи нашей. При томъ и самый міръ сей не
есть-ли уда, уловляющая приманкою благъ и удовольствій
не только грѣшниковъ, даже праведниковъ! Бываютъ такіе
случаи, что безъ намѣренія попадешся въ сѣти и пона-
прасну получишь укоризну. Тогда мірскаго мученика увѣн-
чаютъ не лаврами, а вѣнцемъ терновымъ. По моему мнѣ-
нію, не лучше-ли оставить міръ, доколѣ не очень съ міромъ
содружались; посвятить себя на служеніе Богу, доколѣ духъ
вашъ бодръ, страсти смирны, тѣлесныя силы здравы.

Вы устрашаетесь праздною монастырскою жизни, жизни
среди убогой по всеѣмъ отношеніямъ братіи, какъ случается
видѣть въ нашихъ обыкновенныхъ монастыряхъ. Нельзя ска-
зать, чтобъ и въ обыкновенныхъ монастыряхъ не было за-
нятій, особенно для любящихъ трудолюбіе. Кромѣ хожденія
къ службамъ церковнымъ и трудовъ монастырскихъ много
остается времени на духовныя упражненія. Здѣсь-то въ
уединенной келліи и предаться Богомыслию и молитвѣ;
здѣсь-то, кажется, и духовная Академія, наставникомъ въ
оной Духъ Святый, а собесѣдники Ангелы. Пынь потому
братія по всеѣмъ отношеніямъ убога, что каждый входитъ
въ монастырь или по неволѣ или по необходимости, по-
добно блудному сыну расточивши уже богатство и душев-
ное и тѣлесное. Благо мужу отъ юности взять яремъ Гос-
подень— и куда же богатому носить и раздавать свои со-
кровища, какъ не убогой братіи? Не яснѣе ли горитъ свѣ-
тильникъ во мракѣ ночи? Такъ да просвѣтится и вашъ
свѣтъ предъ омраченною братіей; да видятъ ваши добрыя
дѣла и прославятъ Отца небеснаго. Конечно, и въ монастыр-
скихъ обителяхъ много водится насѣкомыхъ, которыя мы-
слятъ погасить свѣтильникъ и налетаютъ на оный; но лишь
только прикоснется къ свѣту, погибаютъ или дѣлаются не-
способными къ большому полету. Положимъ такъ же, и за

1845 г. каменными стѣнами случаются такія происшествія, о которыхъ, какъ вы пишете, не лѣтъ есть глаголати; но прикрываются завѣсою благоснисхожденія: то не паче ли истинная добродѣтель уважена будетъ. Любопытно бы слышать о случившейся въ Благовѣщенскомъ вашемъ монастырѣ дивной исторіи, но это представляю вашей волѣ. Прекрасная и спасительная мысль положиться на Премудраго распорядителя судебъ человѣческихъ: но и сей Премудрый распорядитель безъ воли человѣка не хочетъ покорить во власть свою человѣка. Онъ вѣрно покажетъ средства, куда надлежитъ болѣе вамъ стремиться, но тогда-то и міръ, и плоть и сатана на насъ наведутъ раздумье, убаюкаютъ волю нашу и мы не еже хотимъ доброе творимъ, но еже не хотимъ злое, содѣловаемъ. Повѣрьте не мнѣ, претерпѣвшему почти варъ и зной, по учителю языковъ. Никто о себѣ того сказать не можетъ, что сказано о Богочеловѣкѣ: въ мірѣ бѣ, и міръ Его не позна. Простите великодушно, что такъ заумничался. Въ кругу духовенства вашего много умнѣйшихъ совѣтниковъ—я пишу по собственнымъ чувствамъ и по искренней любви и состраданію къ вамъ. Извините и на томъ, что долго не отвѣчалъ по многимъ обстоятельствамъ, надѣясь при томъ, что не оскорбитесь, потому что и сами не скоро мнѣ отписываете“.

Въ августѣ посѣтила Муромъ, по пути изъ Рязани въ Нижній Новгородъ, ученая и любознательная русская путешественница, фрейлина Ея Величества, О. Шишкина. Посѣщеніе такой важной особы было истиннымъ событіемъ для насъ—обитателей мирнаго уѣзднаго городка. Г-жѣ Шишкиной, какъ придворной особѣ, оказаны были Муромскими властями всевозможныя почести. Мнѣ поручено было настоятелемъ собора встрѣтить ее въ храмѣ и объяснить ей наши достопримѣчательности. Я исполнилъ, какъ могъ, это порученіе. Все, что я говорилъ знатной путешественницѣ, она записывала въ свою памятную книжку. Спустя три года, именно въ 1848-мъ году, г-жа Шишкина издала въ 2-хъ частяхъ свои замѣтки и воспоминанія: но, къ сожалѣнію, въ этихъ книгахъ о Муромѣ ничего не сказано. Въ заключеніи 2-й части своихъ замѣтокъ и воспоминаній (стр. 289) г-жа Шишкина пишетъ: „Я не успѣла привести въ порядокъ остальные записки мои, и не знаю, удастся-ли

мнѣ когда нибудь, исполнивъ это, такъже ихъ напечатать“. 1846 г

Между тѣмъ, въ этой же заключительной главѣ описываетъ, хотя и очень кратко, свое двухдневное пребываніе въ Суздальѣ, гдѣ она съ любопытствомъ разсматривала древнюю плащаницу, принадлежащую Покровскому женскому монастырю и огромное рукописное Евангеліе, хранящееся въ тамошнемъ соборѣ.

Января 25 дня получено было мною изъ Горницъ отъ о. Василія Сапоровскаго письмо слѣдующаго содержанія:

„За ваше письмо сколько пріятное, столько любознательное приношу усердную благодарность. Хотя позднопоздно, но привѣтствую васъ съ прошедшими праздниками Рождества и Богоявленія Христова, равно съ наступившимъ Новымъ годомъ. При семъ сугубомъ обновленіи временъ—благодатномъ и естественномъ прилично пожелать вамъ духовнаго обновленія, рожденія въ новую жизнь о Христѣ Исусѣ и успѣховъ во всѣхъ начинаніяхъ и дѣлахъ.

Вѣрно вы оскорбились, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на посланное письмо ваше отъ 18 сентября 1845 года. Это можно было видѣть изъ письма вашего къ нашему отцу діакону, въ которомъ не удостоили меня и поклономъ. Признаюсь, что были и такія обстоятельства, которыя дѣйствительно не позволяли побесѣдовать съ вами о предстоящей участи вашей, но большею причиною послужило ваше снисхожденіе — не беспокоить меня много въ разсужденіи скорого отвѣта, а нашъ Филагъ тому и радъ. Впрочемъ, чтобъ такую долговременную снячку, или такъ сказать, безнамѣренную неосторожность, равно и сдѣланный мною упрекъ представить извинительными, мнѣ вздумалось обратиться оныя въ нравоученіе и для васъ и для меня.

Въ дѣлѣ спасенія и исконный врагъ и собственное сердце много предлагаютъ сомнѣній, трудностей и предубѣжденій. Глаголющу Павлу о правдѣ и о воздержаніи и судѣ, хотяшемъ быти, пристрашонъ бывъ Феликсъ, отвѣща: нынѣ убо иди; время же получивъ, призову тя. То же самое сомнѣніе и насъ грѣшныхъ заставляетъ не скоро разстаться съ міромъ; докоѣ подумаю, подожду — будетъ время — удалиться въ вертены пустыни... Между тѣмъ открываются особенные случаи, являюся лесные предметы, заводятся знакомства, мы дѣлаемся равнодушными, привычка нѣсколько

1846 г. лелѣть, потомъ усыпляетъ и, подобно неосторожнымъ птицамъ, запутываетъ въ тенетахъ мірскихъ. Въ семь многмятежномъ и лукавомъ мірѣ какихъ нѣтъ соблазновъ; рѣдкій или никакой праведникъ не можетъ избѣгнуть грѣхопаденій, одинъ Богочеловѣкъ силенъ сказать: бѣхъ въ мірѣ и міръ Мене не позна. Итакъ, не лучше ли поскорѣе изъ Содома мірскаго уползати въ Сигорь, а не задумываться?

Вы сознаетесь, что мой совѣтъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ совѣтовъ для васъ кажется душеспасительнымъ и безпристрастнымъ; но къ совершенной силѣ и убѣдительности недостаетъ одного только—собственного опыта. Конечно мнѣ твердо неизвѣстны подвиги монашеской жизни, но я довольно испыталъ, какъ трудно и опасно юному вдовцу прожить до старости маститой не только въ пышиомъ городѣ, но и въ нашемъ захолустьѣ, особенно въ нынѣшнія времена. Вы не далеко живете отъ монашествующихъ, слышали и видали, какихъ подвиговъ требуетъ жизнь монашеская.

Вы пишете, что вамъ совѣтуютъ путемъ академическимъ достигати монашества. Мнѣ кажется, вся наша жизнь не что иное есть, какъ академія. Что говоритъ мудрѣйшій изъ царей? Приложивый разумъ, приложить болѣзнь — и не мудрися излишне, да не когда изумишися. Высокоуміе нерѣдко и святѣйшія истины искажаетъ, презрѣнные же пороки облакаетъ благовидною одеждою. Всякому, кольми паче монаху нужно образовать сердце, отъ сердца бо происходятъ помышленія злая—и блажени чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрять. Посему-то и Спаситель говоритъ: „царствіе Божіе внутрь васъ есть“.

Васъ въ семь случаѣ восхищаетъ мысль содѣлаться наставникомъ другихъ. Похвально намѣреніе, но нѣсколько неосновательно;—во-первыхъ, потому, что самое названіе монаха не того требуетъ; во вторыхъ и потому, что на такую степенъ возводитъ насъ Промыслъ Божій, а не философія. Буетъ Божіе премудрѣе чловѣкъ и Господь слѣпцовъ умудряетъ. Сколько свѣтильниковъ являлось въ церкви изъ простыхъ и безграмотныхъ! При томъ ему же дапо будетъ много, много и възщется отъ него. Можетъ быть васъ подстрекаетъ честолюбіе, то и безъ академіи можно достигнуть, когда угодно будетъ Господу, испытующему наши сердца и утробы, высокаго сана и земныхъ почестей.

Въ темнотѣ ночи и малыя свѣтила ярко сіяють, при свѣтѣ 1846
лучезарнаго солнца меркнетъ луна.

Вы, наконецъ, говорите, что науки всегда были и, кажется, будутъ моею любимою стихіею. Но, по мнѣнію моему, монаху полезнѣе болѣе молиться, нежели учиться. Молитва, по словамъ преподобнаго Нила, есть лучшее и чистое ума употребленіе. Якоже хлѣбъ пища есть тѣлеси и добродѣтель души, сице и уму духовная молитва пища есть. Аще Богословъ еси, имаши молитися истинно: и аще истинно молишися, Богословъ еси. *Добротолюбіе*.

Достопочтеннѣйшій другъ! не сѣтуйте, что я слишкомъ много заумничался, самъ будучи невѣждою — такою нашель часъ. Въ кругу вашего духовенства много лучшихъ совѣтниковъ, а всего лучше посоветуйтесь съ вашимъ умомъ и сердцемъ, помолитесь Богу и усердно попросите, дабы Онъ всесильною благодію устроилъ будущую вашу участь, — Божіе бо есть и хотѣти и дѣяти.

Прошу покорнѣйше удостоить хоть краткимъ отвѣтомъ письмо мое.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 3-го февраля:

„Пазидательное письмо ваше, достопочтеннѣйшій мой наставникъ и благожелатель, возбудило во мнѣ много различныхъ мыслей и чувствованій.

Вы рѣшительно совѣтуете изъ Содома мірскаго скорѣе уползати въ Сигоръ, а не задумываться? Опять съ благодарностію повторяю вамъ, что этотъ совѣтъ вашъ и душе-спасителенъ и безпристрастенъ и основателенъ; въ чемъ почти согласны и добрые мои совѣтники (я разумѣю о. Протоіерен¹⁾ и А. А²⁾), которымъ, по просьбѣ ихъ, читалъ я два послѣднія ваши письма.

Самъ по себѣ, въ разсужденіи предстоящей мнѣ участи, я теперь какъ трость, вѣтромъ колеблемая, преклоняюсь то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ, и при такомъ, по истинѣ тяжеломъ, состояніи духа, не опускаю совершенно изъ виду того, что первѣе всего долженствуетъ встрѣтиться со мною т. е. Академія, я заблагоразсуждаю со всѣмъ вни-

1) Муромскаго собора, о. Троенольскаго, М. Г.

2) Горицкаго, стряпчаго въ г. Муромѣ, и сродника о. Василію Сапо- ровскому.

1816 г. маниемъ присматриваться къ обстоятельствамъ жизни, въ коихъ съ благоговѣнiемъ потщусь услышать, что речеть о мнѣ Господь и что есть воля Божія о мнѣ благая и совершенная; а всего лучше буду молиться съ царственнымъ Псалмопѣвцемъ: *Господи, скажи ми путь, въ онъ же пойду.*

Между тѣмъ, въ ожиданiи сего горняго указанiя, почитаю неизлишнимъ пользоваться и земными пособiями для устройства будущаго моего жребiя. Подъ этими пособiями я разумѣю и собственныя соображенiя и убѣжденiя людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

Вы пишете, что вся наша жизнь не что иное, какъ Академiя, и что полезнѣе болѣе молиться, нежели много учиться, — все это совершенно справедливо: но для чего-же Богъ вложилъ мнѣ такое непреодолимое влеченiе къ занятiю книжному? Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только я началъ сознавать себя, мнѣ была исключительнымъ предметомъ моихъ занятiй; а теперь обратилась въ какую то неизяснимую потребность. Впрочемъ, признаюсь вамъ, мечты объ Академiи начинаютъ охлаждѣвать во мнѣ, частiю отъ влiянiя вашихъ разумныхъ совѣтовъ, сильно подкрѣпляемыхъ убѣжденiями о. Протоiерея, частiю отъ собственного признанiя слабости тѣлесныхъ силъ, которая болѣе и болѣе, кажется, разстроиваются по причинѣ встрѣчающихся со мною болѣе или менѣе неприятныхъ обстоятельствъ. Думаю и разсуждаю, что поступить въ Академiю не слишкомъ трудно; положимъ такъ же, что, судя по настоящему моему расположенiю къ наукамъ, занятiя академическiя не могутъ быть для меня въ тягость (ибо идѣ любовь и усердiе, тамъ пренобѣждается всякая трудность): но нельзя не согласиться съ вами въ томъ, что надлежащее занятiе науками не минуемо должно сопровождаться большимъ или меньшимъ изнуренiемъ силъ, и безъ того уже разстроенныхъ, а съ разстроенными силами куда годишься“?

На это посланiе достопочтенный о. Василiй отвѣчалъ мнѣ двадцать шестаго марта:

„Громадное нисѣмо ваше получилъ еще на первой недѣлѣ св. поста, но отвѣчать собираюсь на шестой. Сiя медленность происходила отъ разныхъ разностей, а болѣе отъ завятiй приходскихъ. По четвергамъ и пятницамъ утомляли

исповѣдники, коихъ каждую недѣлю собиралось до сотни, а въ прочіе дни — родины и покойники. Въ нашемъ краю свирѣпствовала повальная болѣзнь-сыпь или корь, которая постыла и вашу сестрицу Елисавету Петровну. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за искреннія и лестныя, отношенія ко мнѣ, выраженныя въ письмѣ вашемъ. Вы ко мнѣ грѣшному такое дѣлаете довѣріе и оказываете преданность совершенную, желая имѣть себѣ непосредственнымъ руководителемъ и собесѣдникомъ, когда-бы я самъ поступилъ въ монахи. Точно, и въ монашествѣ одному безъ путеводаителя подвизаться трудно и опасно, какъ видно изъ жизнеописаній святыхъ угодниковъ. Но дѣло въ томъ состоитъ, что у меня болѣе вашего имѣется препятствій, при всемъ моемъ желаніи, посвятить себя на иноческое служеніе; кромѣ сиротъ, которыхъ я по многимъ отношеніямъ призирать и покоить обязанъ, беспокоить и связываетъ огромный домъ; оный начинаетъ ветшать, стоитъ на землѣ господской, починять опасно, продать некому и выстроить для сиротъ кельи негдѣ, купить такъ же, потому что у господъ вся земля въ залогъ. Не даромъ называютъ жизнь сію путешествіемъ. Какъ странникъ запоздалый удобно можетъ заблудиться или среди бурь непогодъ погибнуть: такъ и намъ среди житейскихъ попеченій не долго осуетиться и закоснѣть. Теперь у васъ одно препятствіе, но времени откроются другія; — далѣе въ море, болѣе найдешь горя, какъ старинные люди говаривали. Я по вашему и самъ разсуждалъ прежде, много терялъ случаевъ хорошихъ и время убивалъ, можно сказать, безъ всякой душевной пользы, но не избавился отъ заботы, а еще приумножилъ. Не вотще пишетъ Апостолъ: сущи въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ отягчаеми: понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися. И можетъ ли рабъ двоимъ господамъ работати? Когда Христосъ повелѣваетъ для удобнѣйшаго служенія Ему оставить домъ, братію, отца и мать и жену, то для чего же вамъ не оставлять своихъ ближнихъ? Лишивъ васъ жены и сына, Богъ, можетъ быть, покажалъ удобный путь къ иноческой жизни, а роднымъ вашимъ приуготовалъ другіе способы къ содержанію, какихъ вы не сильны сдѣлать собственными стараніями. Всякія и малѣйшія измѣны десницы Вышняго въ нашей жизни что-нибудь назидательное пред-

1846 г. знаменуютъ; жалко, что мы мало въ оныя вникаемъ, или и вникаемъ, но обращаемъ въ другую сторону. Слава всеблаговому Богу, что васъ доселѣ мірскія искушенія и соблазны не обуреваютъ и вы сами стараетесь избѣгать и уклоняться отъ поводовъ къ онымъ. Правда, вы обрѣтаетесь въ кругу благородныхъ, занимаетесь должностями такъ же благонадежными, благовременно, не скитаетесь, какъ наша сельская братія, по деревнямъ, не бражничаєте съ ярими мужиками и разгулистыми крестьянами; впрочемъ, по пословицѣ народной, топить иногда не море, а не большая лужа или грязное болото. Ко всему пуженъ навѣкъ и привычка, которую любомудрые называютъ второю природою. Но что я васъ занимаю своими замѣчаніями, будучи самъ невѣждою. Вы кромѣ умнѣйшихъ мужей—вашихъ собесѣдниковъ—читали наставленія и о мірской и о монашеской жизни въ выписываемой книгѣ г. Стурдзы. Меня самого нельзя-ли вразумить и научить, какъ вырваться изъ сѣтей многомятежнаго міра? Тогда я согласенъ идти съ вами рука объ руку, хотя и не испыталъ монашеской жизни и не знаю козней, какими искушаютъ монашескіе аггелы. Время проходитъ не примѣтно, силы истощаются; болѣзни, предтечи близкой смерти, заставляютъ подумать и о будущемъ.

Вы пишете, что мечты объ академіи мало по малу начинаютъ охладѣвать въ васъ; такія мысли и мнѣ правятся, какъ и писалъ я прежде. Трудно подниматься на высокую гору съ слабыми силами и при томъ по прошествіи благопріятнаго времени. Горы высокія предоставимъ еленимъ, а намъ, заяцемъ не лучше-ли укрыться подъ камнемъ, гдѣ не шумятъ ни бури и нѣтъ жестокихъ морозовъ. Господь восхочетъ и изъ камени содѣлаетъ чадами Авраама,—пзъ подъ спуда поставитъ на свѣщницѣ, что-бы свѣтити мірови.

Вы писали о проповѣдяхъ. Здѣсь доселѣ пичего не слышно, впрочемъ и я сего не устрашаюсь, особенно нынѣ. Съ новаго года сказывалъ уже четыре, хоть не профессорскія, но сѣскія, а тамъ буду говорить по назначенію.

Теперь позвольте поздравить васъ, какъ не ошибалось, съ наступающимъ днемъ вашего Ангела и съ приближающимся свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Отъ искренняго сердца желаю встрѣтить и провести и то и другое торжество въ вождѣльномъ здравіи, въ веселіи и

радовалии, при томъ молю Бога, чтобы обновить и укрѣ- 1846 г
пилъ ваши тѣлесныя и душевныя силы на многотрудномъ
поприщѣ служенія вашего, осѣнилъ своею благодатію ново-
лѣтіе ваше“.

30-го апрѣля писалъ я въ Горницы дядѣ своему, діакону
Петру Иванычу:

„Христось Воскресе!

За ваше раннее привѣтствіе меня съ праздникомъ Воскре-
сенія Христова и днемъ моего Ангела приношу вамъ усерд-
нѣйшую благодарность; а за позднее привѣтствіе васъ отъ
меня прошу у васъ великодушнаго извиненія. То разныя
приготовленія къ свѣтлому празднику, то мірскія суеты
среди самаго праздника, то печальное воспоминаніе горест-
нѣйшаго событія ¹⁾, то наконецъ безпокойное ожиданіе
окончательнаго рѣшенія моей участи—до того разстроили
обыкновенный порядокъ моихъ дѣлъ, что я—то не находилъ
свободнаго времени, то даже и не въ силахъ былъ зани-
маться ничѣмъ постороннимъ. Теперь, слава Богу, начинаю
опять возстановлять мало по малу прежній порядокъ дѣлъ.
Участь моя нѣсколько опредѣлилась; изъ трехъ путей оста-
лось только два. На сихъ дняхъ чуть-чуть я не рѣшился
было однажды навсегда оставить Муромъ: но убѣдительныя
просьбы матушки-тени и сильныя убѣжденія о. Протоіерея
остановили меня, если не навсегда, то кажется на долго,
въ Муромѣ.

Отказавшись отъ своего намѣренія—поступить въ Ака-
демію, и пожертвовавши собственными выгодами благопо-
лучію сиротствующаго семейства съ одной стороны, и иск-
ренней пріязни добраго начальника, съ другой, я успокоиваю
себя тою мыслию, что не лучше-ли быть отцемъ и покро-
вителемъ сиротъ, нежели украшаться празднымъ титломъ
ученаго монаха,—и еще: не гораздо-ли спокойнѣе быть
хорошимъ подчиненнымъ у добраго и благорасположеннаго
начальника, нежели самому быть неисправнымъ начальни-
комъ, а еще болѣе управлять упрямыми и непослушными
людьми? Правда, если бы я имѣлъ надлежащую крѣпость
тѣлесныхъ силъ: то ничто, кажется, не отклонило бы меня

¹⁾ Смерть супруги въ предшествующемъ 1845 году.

1846 г. отъ Академіи. Если же я, при настоящемъ разстроенномъ состояніи силъ, и стремился въ Академію, то единственно потому, что хотѣлъ обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ. Впрочемъ, съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, перемѣнятся и мои расположенія.

Теперь остается у меня одно сильнѣйшее желаніе—видѣться съ вами и переговорить обо всемъ лично. Если уже вы отказываетесь сдѣлать мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ: то я съ своей стороны, кажется, постараюсь воспользоваться свободнымъ временемъ для посѣщенія васъ“.

11-го мая писалъ я въ Хотимль къ родственнику своему, отцу Іоанну Успенскому.

„Не помню съ коихъ поръ, только знаю, что давно не писалъ я къ вамъ ни слова. Причина этого молчанія—самая простая: ожиданіе отвѣта на прежнія мои письма. Не знаю, чему приписать ваше совершенное безмолвіе въ отношеніи ко мнѣ: тѣснымъ ли обстоятельствомъ жизни, или перемѣнѣ вашего расположенія ко мнѣ? Первое согласенъ допустить; а послѣднему не хотѣлось бы и вѣрить. Правда, теперь и я остаюсь не совсѣмъ правъ передъ вами: до сихъ поръ не хотѣлъ надлежащимъ образомъ извѣстить васъ о происшедшемъ со мною горестномъ событіи. Но, скажу вамъ суцую правду, потому я и не извѣщалъ васъ объ этомъ событіи, что слишкомъ горестно: сильная грусть любитъ таиться. Повторять нѣсколько разъ повѣсть о печальномъ событіи значить каждый разъ терзать сердце. При томъ, я увѣренъ былъ, что вамъ дадутъ знать объ этомъ мои и ваши родные—Горицкіе, къ коимъ писать я былъ обязанъ по необходимости. Впрочемъ, и къ вамъ давно я намѣревался писать; но разныя обстоятельства доселѣ не позволяли мнѣ исполнить этого намѣренія. Вотъ, наконецъ получилъ свободное время, чтобы подѣлиться съ вами грустными чувствами.

Чѣмъ же начать родственную бесѣду съ вами? Входить ли въ подробное описаніе моей вѣчной разлуки съ милымъ другомъ? Но я думаю, вамъ уже извѣстны обстоятельства кончины моей возлюбленной Анны Васильевны изъ писемъ моихъ къ Горицкимъ роднымъ. Изъяснять ли то, какъ провель я годъ, ужасный годъ моего одиночества?... Одному

Всевѣдущему извѣстно то, что довелось вытерпѣть мнѣ въ 1846 эту тяжкую годину искушенія. Казалось бы, все осталось при мнѣ, кромѣ *одного*: тотъ же домъ, тотъ же образъ жизни, та-же служба, тѣ-же дружескія связи: но лучше-бы, стократъ лучше лишиться всего, чѣмъ потерять это безцѣнное *одно*. Правда, много у меня пріятелей и теперь: но, признаюсь, ни одного нѣтъ друга; и теперь многіе хвалятся своимъ ко мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго довѣрія; и теперь, если угодно, не будетъ недостатка въ случаяхъ къ удовольствіямъ: по всѣ эти удовольствія растворены для меня горечью. Странное дѣло: тамъ, гдѣ люди находятъ отраду и удовольствіе, я началъ ощущать скуку и отвращеніе; въ чемъ другіе полагаютъ верхъ земнаго счастья и блаженства, въ томъ вижу я одну пустоту и ничтожность. Хорошая книга да скромная беседа вдвоемъ—вотъ единственный источникъ моего земнаго блаженства, если только на землѣ возможно какое-либо блаженство.

Говорять, въ сердечныхъ болѣзняхъ время—самый лучший врачъ. И подлинно такъ: порукою въ томъ мой собственный опытъ. Въ первые дни и недѣли моего тяжкаго испытанія какихъ средствъ для успокоенія себя я не употреблялъ! какихъ спасительныхъ врачевствъ не прилагали къ растерзанному моему сердцу и добрые люди: ничто не помогало, ничто не могло разсѣять глубокаго мрака с рдечной скорби и унынія. Потомъ этотъ душевный мракъ мало по малу началъ рѣдѣть, по мѣрѣ того, какъ разсудокъ сталъ вступать въ законныя права свои. Наконецъ обычныя занятія и спасительныя таинства вѣры непримѣгнымъ образомъ сдружили меня съ горестнымъ положеніемъ такъ, что я, при благодатномъ ихъ вліяніи, иногда вовсе забываю свою печаль, доколѣ новыя какія-нибудь непріятности семейной или общественной жизни съ большею силою не потрясутъ разстроеннаго грустію сердца. А такіхъ, болѣе или менѣе важныхъ непріятностей, въ теченіе цѣлаго года моего одиночества, признаюсь, непыталъ я не мало.

Какъ справедлива, подумаешь послѣ сего, старинная русская поговорка: „Бѣда бѣду родить“.

Для собственнаго спокойствія и безопасности, въ разсужденіи новыхъ бѣдъ и непріятностей, я думалъ было пере-

1846 г. мѣнить образъ жизни, а для сего однажды навсегда оставить родной Муромъ; — хотѣлъ было снова вступить на поприще образованія уже высшаго, то есть въ Академію: но благо сиротствующаго семейства, — семейства, съ которымъ по волѣ Провидѣнія, такъ тѣсно соединена была моя судьба, — требуетъ, чтобы я отказался отъ этого лестнаго, среднаго мнѣ пути; и я рѣшился пожертвовать всѣми личными выгодами благополучію сиротъ. Чувствую, чего будетъ стоить для меня эта жертва; знаю, что юному вдовцу, какъ одинокому пловцу, не безопасно будетъ плаваніе по волнамъ житейскаго моря; мірскія суеты и соблазны на каждомъ шагу будутъ угрожать паденіемъ. Что же дѣлать? — Надобно вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ, *облецися*, по слову Писанія, *во вся оружія Божія: препоясать*, во первыхъ, *чресла свои истиною*, т. е. продолжать прежнія занятія науками; *облечься въ броню праведности* — упражнять себя въ твореніи добрыхъ дѣлъ, между коими первое мѣсто должны занять: постъ, молитва и вспомоствованіе ближнимъ; *обуть ноги въ твердость Евангелія мира*, — это значитъ почаще заниматься сочиненіемъ проповѣдей; наче всего *взять щитъ вѣры*, — ибо это главное оружіе противу всѣхъ козней вражіихъ; — и *шлемъ спасенія*, — это, думаю, значитъ то, что надобно, сколько можно, чаще заниматься размышленіемъ о вѣчномъ спасеніи души; — и наконецъ *мечъ духовный* — слово Божіе: святая Библия да будетъ отсель первымъ и послѣднимъ предметомъ моего изученія!

Вотъ все, что на первый разъ могъ я передать вамъ о себѣ; не отрекаюсь сообщать вамъ извѣстія и о дальнѣйшихъ происшествіяхъ моей жизни, если только вы не откажетесь поддерживать съ своей стороны взаимной нашей бесѣды“.

14 го мая писалъ я въ Пваново зятю и сестрѣ:

„Сообщаю вамъ о себѣ новость, впрочемъ такую, которая въ сущности не слишкомъ много заключаетъ въ себѣ новаго. Въ послѣднемъ письмѣ къ вамъ, если только вы получили его, извѣщалъ я, что участь моя такъ или иначе должна опредѣлиться скоро: — и опредѣлилась. Роковой май насталь; я долженъ былъ окончательно рѣшиться на одно изъ двухъ: или оставаться при настоящемъ положеніи, или

однажды навсегда оставить родной Муромъ“. И далѣе, сообщивъ и имъ о своемъ намѣреніи поступить въ академію, измѣнившимся потомъ подъ вліяніемъ убѣжденій и просьбъ тещи въ видахъ поддержанія сиротствующаго семейства ея, о потребности терпѣнія въ положеніи молодаго вдовца — священника, каковымъ остаться я уже рѣшилъ было тогда, продолжалъ:

„Впрочемъ, съ переменною обстоятельствомъ, быть можетъ, переменятся и мои настоящія расположенія. Чаловѣкъъ яко трость, вѣтромъ колеблемая: сегодня думаетъ такъ, завтра совсѣмъ иначе; къ кому сегодня расположенъ, къ тому завтра имѣеть отвращеніе. Конечно, по слову Божію, *никтоже возложъ руку на рало и обращающа всягъ, управленъ естъ въ царствіе Божіе*: рѣшившись посвятить себя на служеніе ближнимъ, не надобно колебаться, хотя-бы довелось и потерпѣть что-нибудь: куда дѣваться отъ неприятностей? На землѣ нигдѣ нѣтъ истиннаго спокойствія.

Послѣ постоянной годовой грусти, и многихъ другихъ случайныхъ неприятностей, крайне хотѣлось бы, хотя нѣсколько часовъ, провести въ кругу моихъ родныхъ, подышать, такъ сказать, простою сельскою жизнію: городская—церемонная жизнь до крайности наскучила. Признаюсь вамъ, среди довольно обширнаго круга родныхъ и знакомыхъ, я не имѣю ни одного искренняго друга, съ которымъ бы, въ часы радости и печали, могъ дѣлиться взаимными чувствами. Правда, многіе являются съ своимъ ко мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго довѣрія. Какъ дорого заплатилъ бы за то, чтобы имѣть при себѣ, если не постоянно, по крайней мѣрѣ, сколько можно, чаще, кого-нибудь изъ васъ, добрыхъ моихъ родныхъ! Но дѣлать нечего, —надобно покориться судьбамъ Вышняго, лишившаго меня сей драгоценной возможности. Благодарю Бога и за то, что Онъ даровалъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, ту возможность, что-бы я изливалъ предъ вами сердечныя чувства въ сихъ мертвыхъ строкахъ.

Просить васъ о вторичномъ посѣщеніи меня, не заплативши вамъ, какъ выражаются нынѣ въ модномъ свѣтѣ, визита, совѣстно; посоветуйте по крайней мѣрѣ кому-нибудь изъ родныхъ навѣстить мевя-грустнаго и одинокаго брата вашего“...

1846 г. Въ тотъ же день писалъ я и племяннику, діакону Ѳ. С. Виноградову:

„Вѣроятно не получили вы ни одного изъ двухъ послѣднихъ моихъ писемъ, изъ коихъ первое отправлено было съ общимъ нашимъ знакомцемъ Иваномъ Григорьевичемъ Ключкинскимъ, кажется, еще въ октябрѣ прошлаго года, а послѣднее съ нимъ же въ минувшемъ мартѣ. И не удивительно, правда, если вы и не получили ихъ; потому что письмоподатель самъ извинялся предо мною, что онъ не могъ доставить вамъ лично ни того, ни другаго письма, а пересылалъ ихъ съ кѣмъ-то. Вотъ что значитъ посылать письма съ частными людьми! Нѣтъ! съ сихъ поръ поставляю себѣ за правило, да и вамъ тоже совѣтую, пересылать письма не иначе, какъ чрезъ почту. Судите сами, что за удовольствіе—посылать къ роднымъ письма, и не быть увѣреннымъ, получаютъ-ли они, или нѣтъ?—Да и какой расчетъ посылать ихъ съ частными людьми? Развѣ дешевле обойдутся эти письма и для того, кто посылаетъ, и для тѣхъ, кои получаютъ ихъ?—Доколѣ не открыта была къ вамъ почта: иное было дѣло; нужда заставляла искать какой-бы то ни было окказіи; а теперь вовсе излишнее дѣло повѣрять родственные секреты постороннимъ людямъ.

Если же вы получили хоть одно изъ упомянутыхъ писемъ, и до сихъ поръ молчите: да будетъ вамъ стыдно!.. Знаете-ли, что при настоящемъ моемъ положеніи, продолжительное молчаніе какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны, стало для меня очень тягостно: любопытно бы знать, что за причина столь долгаго вашего молчанія?

Но такъ и быть,—готовъ былъ-бы совершенно простить васъ, если-бы вы догадались принести мнѣ извиненіе лично. Въ самомъ дѣлѣ, не пора-ли уже вамъ побывать въ нашихъ Муромскихъ предѣлахъ? За ваше посѣщеніе я постарался-бы какъ-нибудь воздать и самъ тѣмъ-же посѣщеніемъ. Есть намѣреніе, въ нынѣшнюю ваканцію побывать на родицѣ: только не знаю, какъ это дѣло сладится. Развѣ вотъ какъ: нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ кому-нибудь изъ васъ посѣтить меня, а потомъ вмѣстѣ съ гостями отправиться-бы и я на родную сторону. Только надобно предупредить васъ, что я никакъ не могу оставить Муромъ прежде 16-го числа августа: ибо къ этому числу мнѣ назначена проповѣдь.

Подумайте объ этомъ хорошенько, и потрудитесь меня извѣстить; а я между тѣмъ съ своей стороны буду самъ придумывать какія-нибудь мѣры къ взаимному нашему свиданію. Впрочемъ, до августа много еще воды утечетъ: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

Выраженная въ предъидущихъ письмахъ къ роднымъ рѣшимость моя остаться при соборѣ для пользы сиротствующаго семейства къ концу мая, неожиданно для меня самого, измѣнилась. Поводомъ къ этому послужила излишняя ко мнѣ приязательность и требовательность со стороны тещи-женщины довольно строптивого и упрямаго характера. Вслѣдствіе сего я рѣшился оставить Муромъ и открыть себѣ путь въ академію. Въ виду сего, я обратился прежде всего за совѣтами къ о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу и секретарю семинарскаго Правленія, профессору Матвѣю Ивановичу Соколову ¹⁾; тому и другому писалъ я отъ 25-го мая:

И во первыхъ, о. ректору:

„Ваше Высокопреподобіе

Милостивѣйшій Отецъ и Покровитель!

Ваше милостивое участіе, какое принимали вы въ устройствѣ настоящей моей судьбы, внушаетъ мнѣ ту лестную надежду, что вы не лишите меня подобнаго участія и въ разсужденіи дальнѣйшаго моего жребія.

По волѣ Божіей, лишившись въ прошедшемъ году жены, я нахожусь въ крайне затруднительныхъ и теперь обстоятельствахъ. Оставаться спокойнымъ въ настоящемъ положеніи долгое время не надѣюсь: семейныя обстоятельства не благопріятствуютъ. Оставить міръ и посвятить себя монашеской жизни? Но уединенная—праздная жизнь устрашаетъ меня. Многіе благонамѣренныя люди совѣтуютъ мнѣ рѣшиться на послѣднее, только не иначе, какъ вступивъ на поприще дальнѣйшаго - академическаго образованія. Совѣтъ этотъ для меня тѣмъ убѣдительнѣе, что я доселѣ питаю особен-

1) Магистръ Кіевской духовной академіи выпуска 1839 года. М. П. Соколовъ послѣ продолжительной духовно-учебной службы вышелъ въ отставку и теперь, въ чинѣ статскаго совѣтника, состоитъ смотрителемъ и членомъ совѣта Куманинской богадѣльни въ Москвѣ.

1846 г. ное расположеніе къ наукамъ; и желалъ-бы поступить по оному, имѣя въ виду единственно ту цѣль, чтобы обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соотвѣтствовала моимъ наклонностямъ: но формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, опасуюсь. Надлежало-бы мнѣ явиться для сего во Владимірѣ лично: училищная служба не позволяетъ.

Итакъ, осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, Милостивѣйшій Отецъ и Благодѣтель, съ сыновнею довѣренностію и покорнѣйшею просьбою. Объявляя вамъ свое намѣреніе поступить въ дух. академію, испрашиваю во первыхъ вашего на сіе соизволенія и отеческаго вразумленія; во вторыхъ, осмѣливаюсь просить вашего ходатайства о мнѣ предъ Архипастыремъ.

Матушка-теща убѣдительно проситъ меня остаться при ея сиротствующемъ семействѣ, въ той увѣренности, что я могу быть полезнымъ для него; и я готовъ былъ-бы пожертвовать всѣми личными выгодами благополучію сиротъ, если бы это вполнѣ зависѣло отъ моей воли: но могу-ли я предложить имъ свои услуги, а тѣмъ болѣе обѣщать продолжительное покровительство безъ воли моего Архипастыря?— Быть можетъ, Преосвященнѣйшему угодно будетъ дать семейству вмѣсто меня другаго приставника; ибо изъ 4-хъ дочерей моей тещи одна уже невѣста: между тѣмъ я, опустивши благоприятный случай для поступленія въ Академію, послѣ принужденъ буду расказываться.

Посему благоволите объяснить мои обстоятельства Его Высокопреосвященству. Воля Архипастыря во всякомъ случаѣ будетъ для меня священна.

Ваше Высокопреподобіе! Я не смѣю ожидать той милости, чтобы вы удостоили меня письменнаго отвѣта; по крайней мѣрѣ, не благоволено-ли будетъ объявить мнѣ вашъ отеческій совѣтъ и волю Архипастыря чрезъ Матвѣя Ивановича Соколова, г. секретаря семинарскаго правленія, котораго я просилъ въ этомъ случаѣ извѣститъ меня о томъ, что вы изволите ему сообщить“.

Во вторыхъ, М. И. Соколову:

„Не смѣлъ-бы я беспокоить васъ просьбою, если-бы не увѣренъ былъ въ вашей ко мнѣ благосклонности.

Послѣ долговременнаго колебанія и раздумья, я рѣшаюсь, 1846 г. наконецъ, по вашему совѣту, вступить на поприще академическаго образованія. Впрочемъ, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу не осмѣливаюсь. Слѣдовало-бы мнѣ самому быть во Владимірѣ: училищная служба не позволяетъ. Какъ же въ такомъ случаѣ поступить?—Дѣлать нечего, рѣшился безпокоить письмомъ о. ректора, испрашивая у него соизволенія и отеческаго вразумленія въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Но, согласитесь сами, ожидать отъ о. ректора, въ какомъ бы то ни было случаѣ, письменнаго увѣдомленія было-бы съ моей стороны слишкомъ смѣло. Посему, позвольте обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ добрыхъ моихъ совѣтниковъ и благожелателей. Благоволите принять на себя трудъ передать мнѣ то, что изволить сообщить вамъ о. ректоръ, ибо я просилъ его высокопреподобіе объявить мнѣ свою волю чрезъ васъ. И если предложеніе мое касательно поступленія въ академію не будетъ отвергнуто начальствомъ: въ такомъ случаѣ усерднѣйше прошу васъ снабдить меня должными совѣтами для приведенія въ исполненіе моего предпріятія (вамъ не въ первый разъ уже оказывать подобныя благодѣтельныя пособія). Прошу тогда вразумить меня, куда, какъ и къ какому сроку приготовить мнѣ прошеніе; что преимущественно долженъ я приготовить для экзамена; сверхъ того, крайне одолжили бы меня, если-бы потрудились выслать мнѣ копію съ аттестата, какой имѣеть быть выданъ правленіемъ настоящему поколѣнію студентовъ: при ней было-бы виднѣе, чего потребуютъ отъ меня на экзаменѣ.

Вашего высокоблагородія чилостиваго государя покорнѣйшій слуга М. д. у. училища учитель священникъ Іоаннъ Тихомировъ“.

Въ отвѣтъ на это добрый и почтенный Матвѣй Ивановичъ писалъ мнѣ отъ 29-го того же мая:

„Отче Іоанне“!

Богъ васъ благословить! Отъ всей души желаю вамъ достигнуть добраго вашего намѣренія. Поздненько вы взя-

1846 г. лись за это дѣло; но авось-либо не помѣшаетъ позднее время, лишь бы было усердіе ваше и другихъ къ доброму дѣлу. Пишите съ первою же почтой прошеніе въ семинарское правленіе о дозволеніи вамъ явиться на испытаніе въ Моск. академію; при семъ просите не увольнять васъ совершенно отъ учительской должности до времени совершеннаго приѣма васъ въ академію; по той-же почтѣ пошлите прошеніе къ Преосвященному съ тѣми-же видами и цѣлями. Владыка далъ уже словесно соизволеніе на ваше намѣреніе, — остается дѣло повести по формѣ. Вслѣдствіе вашего прошенія мы представимъ академическому правленію и будемъ просить позволенія явиться вамъ къ приѣмному испытанію; въ представленіи скажемъ, что ни со стороны семинарскаго, ни епархіальнаго начальствъ нѣтъ препятствій къ вашему увольненію, въ случаѣ вашего принятія въ академію. При прошеніи въ семинарское правленіе вы должны приложить свидѣтельство врача о состояніи вашего здоровья, что оно-де не препятствуетъ извѣстной цѣли, — равно аттестатъ вашъ. Касательно приготовленія къ приѣмному экзамену, не знаю, что сказать рѣшительнаго. По моему, много страшиться вамъ не слѣдуетъ. Я надѣюсь и твердо, что вы выдержите экзаменъ, лишь бы только допустили. Совѣтовалъ бы вамъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ отъпуска пріѣхать сюда, пока я не уѣхалъ; лично я вамъ лучше могъ бы посовѣтовать, кое-что и далъ бы въ пособіе и о. инспекторъ приметъ въ васъ участіе.

Предметы, означаемые въ нашихъ аттестатахъ суть: св. Писаніе, Богословіе, Церковно-Библейская Исторія, Ученіе объ разностяхъ и обрядахъ церкви, Каноническое право, Исторія Русской церкви, Медицина, Логика и Психологія, Россійская Гражданская Исторія, Математика и физика. Риторика и поэзія, Всеобщая Исторія и языки: Латинскій, Греческій, Французскій или Нѣмецкій и Еврейскій. Есть-ли у васъ кто знакомые въ академіи? Хорошо-бы попросить, чтобы васъ потребовали на экзаменъ.

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи я приму участіе. О. ректоръ ¹⁾, по моей просьбѣ, напишетъ къ о. ректору акаде-

¹⁾ Владимірской семинаріи архимандритъ Поликарпъ.

ми¹⁾), а я напишу къ одному профессору. Экзамены тамъ 1846 г начинаются съ 16-го августа. Вамъ, разумѣется, лучше явиться туда гораздо прежде. Тамъ дадутъ вамъ, по чему и приготовиться. Напр. о. инспекторъ академіи²⁾ добрый человекъ и не откажетъ вамъ ни въ чемъ.

Такъ дѣлайте дѣло, и поскорѣе. Что сочтете нужнымъ, спрашивайте меня. Бумагу форменную можете прислать въ семинарское правленіе такъ, чтобы былъ и другой экземпляръ, который вы пошлете ко мнѣ,—это въ случаѣ сомнѣнія какого нибудь. Присланную въ правленіе я могу замѣнить другою“.

1 июня, согласно наставленію моего почтеннаго благожелателя М. И. Соколова, отправилъ я во Владиміръ на имя высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Пареевія прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего и по особенной склонности къ наукамъ, я имѣю желаніе поступить для дальнѣйшаго образованія въ Московскую д. академію.

Почему Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшаго архинастыря и отца, низжайше прошу дозволить мнѣ явиться въ упомянутую академію на испытаніе; но до времени совершеннаго поступленія моего въ академію не благоволено ли будетъ не увольнять меня отъ настоящихъ должностей“.

Въ тотъ же день и такого же почти содержанія послано было мною прошеніе и во Владимірское семинарское правленіе съ приложеніемъ а) свидѣтельства врача (М. В. Покровскаго) о состояніи моего здоровья и б) аттестата, выданнаго мнѣ 14 іюля 1840 года изъ семинарскаго правленія.

Вотъ что написано было въ этомъ аттестатѣ:

„Объявитель сего Владимірской Д. Семинаріи, ученикъ 2-го класса Богословія Иванъ Тихомировъ, Владимірской епархіи, Вязниковской округи, села Палеха. Крестовоздвиженской церкви, умершаго пономаря Михаила Сергѣева сынъ, имѣющій отъ роду 21 годъ, поступилъ въ семинарію въ 1834 году, гдѣ обучаясь:

при способностяхъ отлично хорошихъ, привле-

¹⁾ Архимандриту Евсеію (Орлинскому).

²⁾ Архимандритъ Евгеній (Сахаровъ—Платоновъ).

1846 г.

жаніи — весьма ревностномъ, поведеніи —
отлично хорошемъ, успѣваль
въ наукахъ: Богословскихъ. }
Церковно-Библейской исто- } отлично хорошо.
рин. }
Философскихъ—весьма хорошо.
Математико-физическихъ. }
Словесныхъ }
Всеобщей исторіи } отлично хорошо.
По классу чтенія Свящ. Писанія }
языкахъ: Греческомъ }
Еврейскомъ—вес. хорошо.
Французскомъ—отлично хорошо.

По окончаніи полнаго учебнаго семинарскаго курса Правленіемъ Семинари, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, Пароенія архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго и Кавалера, причислень къ первому разряду семинарскихъ воспитанниковъ, съ званіемъ студента, и онымъ же Правленіемъ уволенъ въ Епархіальное вѣдомство; во свидѣтельство чего и данъ ему, Тихомирову, сей аттестатъ изъ Правленія Владимірской семинари съ ниже-слѣдующимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ печати онаго. 14-го дня 1840 года.

На подлинномъ подписано:

Семинари Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.

Инспекторъ Іеромонахъ Рафаилъ.

Секретарь Коллежскій Ассессоръ Василій Романовскій.

Письмоводитель Петръ Кузьминскій“.

Дошло до меня извѣстіе о возведеніи въ санъ архимандрита инспектора Владимірской семинари, іеромонаха Евѳимія. Такъ какъ я пользовался его вниманіемъ и расположеніемъ, когда былъ на должности смотрителя семинарской больницы и какъ онъ былъ одинъ изъ первыхъ моихъ совѣтниковъ касательно поступленія моего въ академію, то я долгомъ почелъ письменно поздравить его съ возведеніемъ въ высшій санъ. И вотъ что писалъ я ему отъ 15 іюня:

„Высокопреподобнѣйшій о. Архимандритъ!

Милостивѣйшій государь!

Пріятыѣйшимъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ Высоко-монаршею милостію. Въ мертвыхъ чертахъ сей

хартіи благоволите принять мое живое участіе въ вашей священной радости. Нельзя не порадоваться, слыша, что внимательное начальство и благопечутельное Правительство воздали достойную за труды честь достойнѣйшему изъ начальниковъ и благороднѣйшему изъ доброжелателей. Но въ чемъ выразить предъ вами мои чувства? Чего можетъ пожелать вамъ на этотъ разъ сердце, — сердце, которое исполнено глубокаго къ вамъ уваженія и столь же глубокой благодарности? Оно желаетъ, чтобы навсегда продолжилось къ вамъ благосклонное вниманіе добраго архипастыря; — желаетъ, и гораздо болѣе, чтобы знаки Монаршаго благоволенія были для васъ залогомъ новыхъ благословеній Царя небеснаго, — чтобы внѣшнія благолѣпныя украшенія служили выраженіемъ внутреннихъ, совершеннѣйшихъ красотъ вашей благородной души.

Сей вѣнецъ отъ камене честна, возложенный на главу вашу, образуя терновый вѣнецъ Христа Спасителя, пусть каждый разъ, пріосѣбая ваше чело, свидѣтельствуется предъ лицемъ всѣхъ и каждого о вашей пламенной ревности на многотрудномъ поприщѣ служенія истинѣ, и готовности увѣнчать, если то нужно будетъ, себя за истину вѣнцемъ отъ тернія.

Сіе священное изображение Распятаго, украшая ваши перси, съ тѣмъ вмѣстѣ да охраняетъ ваше сердце отъ всего, что можетъ нарушить его чистоту и непорочность.

Сіе новое знаменіе духовнаго оружія (палица) да одушевитъ васъ новымъ мужествомъ въ борьбѣ со врагами челоуѣческаго спасенія.

Сей, наконецъ, жезлъ, врученный вашей десницѣ, да указываетъ прямой путь къ горней отчизнѣ какъ вамъ самимъ, такъ и тѣмъ, коихъ Промыслъ вручилъ и еще вмѣстѣ вручить вашему бдительному надзору.

Сего-то наиболѣе желаетъ вамъ исполненное глубокаго къ вамъ уваженія и благодарности сердце! Но съ сими искренними, сердечными благопожеланіями да соединятся теплыя мольбы къ Царю царей, да подастъ Онъ добротѣ вашей силу и да ниспослетъ на васъ при благоденствіи и долгоденствіи, къ утѣшенію вашихъ присныхъ и счастію подчиненныхъ и покровительствуемыхъ вами“.

17 іюня получилъ я изъ Владиміра отъ секретаря семинарскаго правленія, М. И. Соколова, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 1 числа, посланіе слѣдующаго содержанія:

1846 г.

„Здравствуйте, батюшка,
Иванъ Михайловичъ!

Вы просили увѣдомить васъ, какъ ваше дѣло пойдетъ въ ходъ. Виновать, тогда не успѣлъ, да признаться и не считалъ нужнымъ. Теперь другое дѣло. Помнится, въ понедѣльникъ (3 июня) мы получили вашу просьбу съ приложениями, а въ среду (5 июня) представили академическому правленію. Въ подкрѣпленіе представленія я упросилъ о. ректора написать письмо къ о. инспектору академіи; онъ это сдѣлалъ по той же почтѣ. И вотъ вслѣдствіе сего и онаго вчера (14 июня) мы получили предписаніе изъ академическаго правленія съ разрѣшеніемъ явиться вамъ туда на испытаніе. Господь васъ благословитъ, и да увѣнчаетъ ваше доброе намѣреніе вождѣльннмъ успѣхомъ! По положенію, вы должны явиться туда къ 5 августа; до тѣхъ поръ можете готовиться дома, сколько успѣете. Со мной видѣться, пожалуй, вамъ и не нужно. Не худо бы было, если бы вы къ 1 августа явились въ академію, тамъ прекрасно можетъ руководить васъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ. Онъ бібліотекаръ семинаріи, и, слѣдовательно, можетъ сообщить вамъ всякую нужную книгу, можетъ достать даже и нужныя тетрадки. Много, впрочемъ, беспокоиться объ экзаменѣ не слѣдуетъ; я увѣренъ, что васъ примутъ въ академію. Когда вы явитесь туда, не мѣшаетъ, даже должно предстать предъ ихъ высокопреподобія—о. ректора и инспектора и попросить ихъ неоставленія. Думаю, что о. инспекторъ приметъ васъ благосклонно. По прїѣздѣ познакомьтесь со студентами академіи, которые останутся тутъ на вакацію. Они могутъ рассказать вамъ, какъ у нихъ производятся экзамены;—и это дѣло важное, тѣмъ болѣе, что вы видали экзамены нашего о. ректора; но это далеко не экзаменъ. О тѣхъ предметахъ, которые не означены въ вашемъ аттестатѣ, а показываются въ настоящихъ, не слѣдуетъ беспокоиться, — во первыхъ, это пустошь, совсѣмъ не капитальное, во вторыхъ, я не думаю, что бы васъ стали спрашивать о томъ, чего не означено въ вашемъ аттестатѣ.

При прїемѣ въ академію смотрять не столько на количество познаній, сколько на ихъ качество и способности

студента. При способностяхъ всему можно научиться въ 1846 продолженіи 4-хъ лѣтъ.

Если, впрочемъ, сочтете нужнымъ, прикажите вашему шурину достать и привести вамъ изъ Владиміра на вакацію нужныхъ тетрадокъ. До 1-го августа времени еще будетъ довольно. Хотѣлъ было и вчера форменнымъ образомъ обдѣлать ваше дѣло, то есть составить журналъ, чтобы нынѣ послать предписаніе вашему начальству; но не имѣлъ довольно времени получше все обдумать, тѣмъ болѣе, что этимъ же предписаніемъ требуется 4 воспитанника семинаріи кромѣ васъ; значить тутъ довольно распоряженій должно быть. Если мы въ этомъ мѣсяцѣ не пришлемъ предписаніе къ училищному начальству, значить пришлемъ его уже предъ вакаціей по выборѣ 4-хъ воспитанниковъ для академіи. Вы теперь знаете о вашемъ дѣлѣ, и, слѣдовательно, намъ нѣтъ нужды торопиться. Иначе эта бумага у насъ два раза должна проходить журналомъ — лишніе хлопоты. При представленіи мы приложили вашъ подлинный аттестатъ (что вы его испугались?) и свидѣтельство врача о вашемъ здоровьѣ.

Съ нашими документами теперь вы должны отправиться, будетъ сказано въ предписаніи училищному начальству. И объ епархіальной вашей службѣ мы тоже позабогимся. Вы писали, что послали ко Владыкѣ прошеніе; но онъ до сихъ поръ и не поминаетъ объ немъ, — получилъ ли? Впрочемъ это вздоръ, — одна политика.

Наши дѣла утверждаетъ онъ-же, а мы не опускаемъ изъ вида вашего священства. Если онъ не пріѣдетъ къ вамъ до 1-го августа, не слѣдуетъ дожидаться его благословенія, — помолитесь Богу, да и маршъ! Они, тоже молодцы, что забыли о всѣхъ вашихъ прошеніяхъ и письмахъ, если бы я не командовалъ. Да, любезнѣйшій, вѣрно не очень много на свѣтѣ людей, которые бы не пеклись паче всего о своихъ си, не яко о нищихъ и проч. Богъ съ ними! Наше другое дѣло, — мы односудебники, и потому лучше можемъ и сочувствовать другъ другу — *similis* и проч.

Ну, кажется, все наваляль? Желаю добраго здоровья и успѣха въ предиріятіи.

Покорный слуга М. Соколовъ.

Если вы знакомы сколько нибудь съ Федоромъ Яковле-

1846 г. вичомъ Яковлевымъ, шт. смотрит. Муромск. училищъ, поклонитесь ему отъ меня низко, и попросите извиненія, что я до сихъ поръ не сберусь написать къ нему что-нибудь. Особеннаго нѣтъ ничего, а дѣль куча и слѣд. все некогда. Охъ, это некогда!!“

22-го іюня получено было мною утѣшительное письмо отъ добраго моего друга, Абакумовскаго священника М. Д. Граменицкаго.

Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 30-го мая:

„Пришедши во Владиміръ ко срѣтенію Божія Матери, отъ Андрея Григорьича и отъ другихъ услышалъ я роковую вѣсть о вашемъ несчастіи. Вашъ ангель-супруга васъ оставила, — ваше счастіе, которымъ вы дорожили всего болѣе, миновалось; — вашъ другъ и душевный совѣтникъ улетѣлъ отъ васъ. Великое горе! Участвую съ вами въ ономъ, плачу о вашемъ положеніи, вы теперь сиры, одиноки, безутѣшны. Чѣмъ могу помочь вамъ въ такихъ обстоятельствахъ? Чѣмъ облегчить и разсѣять скорбь вашу?... Одно, другъ мой, утѣшеніе для христіанина, хотя очень извѣстное, но я все таки съ своей стороны напомню его вамъ, утѣшеніе Апостола не скорбѣть о умершихъ.

Не ослабѣвайте упованіемъ и вѣрою въ воскресшаго Христа. Онъ чрезъ вѣру удостоитъ жизни вѣчной и вашу добрую подругу, — вѣруйте твердо, непоколебимо, — пробѣжить яко тѣнь время жизни настоящей, — въ будущей ваше обрученіе будетъ не разрушимо, ваши души будутъ пламенѣть чистѣйшею другъ къ другу любовію. А паче всего берегитесь пагубнаго отчаянія. Что дѣлать? — *Тако Господеви изволися!* Можетъ быть, всевидящее око Провидѣнія усмотрѣло особенную доброту души въ вашей подругѣ и восхитило отъ суетъ мірскихъ, да незлоба измѣнить разумъ ея или лесть прельстить душу ея, можетъ быть Провидѣнію угодно искусить ваше доброе сердце и пережечь его огнемъ скорби, чтобы оно, какъ золото вынудое изъ горнила, было чище — свѣтлѣе. И какъ бы то ни было, съ какою-бы цѣлію Провидѣніе ни послало на васъ наказаніе это; вы должны помнить, что тако Господеви изволися и старайтесь переносить его. Вѣрю, тяжель крестъ, возложенный на васъ, но, милый, вѣрьте слову съ неба: *сила Божія въ немощи совершается.* Конечно, съ благою цѣлію Провидѣніе отняло

у васъ сердечнаго друга. Теперь вы, какъ служитель алтаря, отрѣшившійся отъ брачнаго союза, можете служить и угождать Господеви. Только да дасть вамъ Всемогущій Господь силу и крѣпость къ поправленію враговъ христіанства!.. Благодаръ Божія да подкрѣпитъ васъ на огненномъ поприщѣ искушенія!

Пріятыѣйшее письмо ваше получено мною въ прошедшемъ мартѣ, очень благодаренъ вамъ за откровенно-подробное всего описаніе. Вы жалуетесь на слабость своего здоровья и болѣзненные припадки, теперь должны со всевозможнымъ тщаніемъ стараться о спокойствіи духа, не терзаться скорбію и печалію, иначе эти болѣзненные припадки отъ настоящей скорби вашего сердца получаютъ ошутительную силу и усилившись сдѣлають и васъ жертвою преждевременной смерти. Утѣштесь, другъ, и не скорбите много, прошу и молю васъ о семъ, какъ другъ сердечно васъ любящій.

Конечно, всѣ ваши мысли и чувства теперь постоянно заняты однимъ — скорбію о потерѣ доброй подруги, конечно, представленіе и памятованіе объ ней постоянно занимаетъ всю вашу душу и есть для васъ всего священнѣе,—не сердитесь, милый, на меня, если я отвлеку васъ на минуту отъ сихъ священныхъ думъ объ отлетѣвшей отъ васъ подругѣ, и скажу вамъ кое-что о себѣ; можетъ быть, въ эту минуту сердце ваше, оторвавшись отъ печали успокоится мгновенно.

Начиная съ новаго года и доселѣ какія-то мрачныя думы бродятъ въ моей головѣ, какое-то непріятное предчувствіе томить мою душу, не знаю, какая этому причина; особенно это предчувствіе питается носящимися слухами объ уничтоженіи штатовъ, помилуй Господи, выведуть куда на опальный приходъ къ Юрьеву, что тогда дѣлать; а у насъ въ селѣ кому-нибудь придется брать посохъ и изыти съ миромъ. Избави, Господи, очень не захочется оставить воздвигнутаго мною чрезъ потъ и кровь, строенія. Святую четырехдесятницу и великую Пасху проводилъ по прежнему, Послѣ Пасхи возложили на меня должность депутата.

Очень пріятно узнать ваше сердце въ настоящихъ обстоятельствахъ,—а поэтому и прошу васъ открыть мнѣ его какъ искреннему другу; что вы о себѣ думаете? Какъ переносите отраву сердца? Да какія были причины смерти и

1846 г. самыя обстоятельства погребенія милой подруги вашей, — вамъ тяжело однимъ пить эту горечь, увѣдомьте меня и я изъ состраданія къ вамъ помогу вамъ нѣсколько капель проглотить изъ чаши вашей печали. Да утѣшить же васъ Господь Богъ!

Пишете, что изъ трехъ путей предлежавшихъ вамъ, — теперь остались только два, и вы требуете въ этомъ важномъ дѣлѣ моего совѣта. Могу-ли, милый другъ, здраво присовѣтовать вамъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ? На сіе могутъ давать совѣты только тѣ, кои собственнымъ опытомъ прошли огонь и воду житейскихъ искушеній. А, кажется, лучший въ сихъ дѣлахъ совѣтникъ собственное чувство. Я увѣренъ, что вы и среди Содома мірскаго, какъ истинный Лотъ, сохраните свою честность и скромность, побѣдите соблазны и искушенія. Но чего это будетъ стоить? Тамъ, гдѣ для другихъ цвѣтутъ радости, вы будете пить ядъ страданія, — что веселитъ другихъ, то сокрушитъ печалю ваше сердце, какъ это уже вы и теперь чувствуете. Вы рѣшились облечься во вся оружія Божія, — препоясать чресла истиною, облечься въ брочю праведности, обути нозѣ въ твердость Евангелія мира, воспринять щитъ вѣры, надѣти шлемъ спасенія, вооружиться мечемъ духовнымъ, — избрать себѣ родную по сердцу — Св. Библию. Чтобы удобнѣе дѣйствовать облеченному въ сіи Божія оружія, думаю, надобно бѣжать изъ прелюбодѣйнаго и грѣшнаго Содома мірскаго въ спасительный Сигоръ монашества. Тамъ вы, какъ истинный воинъ Христовъ, менѣе можете встрѣтить камней претыканія, — въ священной оградѣ монастырской жизни, думаю, духъ вашъ болѣе найдетъ для себя пищи и утѣшенія.

Объ академіи жалѣть я не совѣтую, — и не бывши въ академіи, можно вамъ достигнуть желаемой цѣли: настоящія знанія ваши и тихо скромная жизнь прямо приведутъ внимательное пачальство къ возложенію на васъ приличной должности: свѣтильнику стоять подъ спудомъ, и изливать благотворный свѣтъ для мрачныхъ ущелій, — не попустятъ. Говорите, что вы погрузились въ такую мрачную бездну, куда не проникнетъ ни одного луча земной отрады.

Позвольте, другъ, сдѣлать вамъ искреннее на сей разъ, — хотя сто разъ вамъ извѣстное правоученіе, — не падайте

духомъ, не слишкомъ высоко цѣните земныя удовольствія; 1846 г. не столько сожалѣйте объ утратѣ радостей земныхъ, сколько радуйтесь о приближеніи къ утѣхамъ небеснымъ: по колику будете умирать для радостей чувственныхъ; по толику будете оживляться ощущеніемъ радостей духовныхъ. Только примите рѣшительное намѣреніе утвердиться на камени вѣры и терпѣнія: ваше положеніе озарится свѣтлѣйшими лучами отрады будущихъ; за лишеніе мгновеннаго земнаго воодушевитесь надеждою вкусить вѣчное небесное. Да утвердить и укрѣпить васъ въ семъ Господь Богъ!

Говорите, что многіе хвалятся вамъ своимъ расположеніемъ и вѣрностію, — берегитесь, милый другъ, скоро вѣряться другимъ, — по Сираху изъ тысячи друзей надобно избирать одного совѣтника, а такого совѣтника, какого вы лишились, уже въ сей жизни вамъ не найти. Признаюсь вамъ, по своей простотѣ я много вреда потерпѣлъ отъ друзей — ласкателей, и они мнѣ теперь кажутся чѣмъ-то не похожимъ на человѣчество....

Занятіе мое, кромѣ должности приходской, которая рѣдкій день дастъ мнѣ свободу пробывать дома, и кромѣ занятія домашними хлопотами, состоитъ въ чтеніи книги *Камень вѣры* Стефана Яворскаго. Книга чудная. Читаю и Библию, которую успѣлъ сдѣлать своею собственностію; потомъ читалъ Регламентъ духовный; по воскреснымъ днямъ Великаго поста читалъ въ церкви бесѣды на Евангельскія блаженства протоіерея Нордова.

Прошу васъ всепокорнѣйше принять на себя трудъ — отслужить чудотворцамъ Муромскимъ о моемъ здравіи молебень.

28-го мая получилъ я письмо изъ Никологорскаго погоста, въ которомъ просятъ меня туда къ празднику — къ десятой пятницѣ, — оттолѣ предлагаютъ въ Муромъ — помолиться къ 25 іюня, — желалъ-бы сего, — но должность и домашнія занятія не дадутъ о семъ и подумать“.

23-го іюня писалъ мнѣ одинъ изъ добрыхъ моихъ товарищей по семинаріи, священникъ села Нармоча, Меленковскаго уѣзда, Иванъ Гр. Валединскій, который не долго предъ тѣмъ былъ у меня въ домѣ:

„Сей письмоподатель нашего села діаконъ, — а потому въ цѣлости безъ всякаго сомнѣнія можетъ доставить мнѣ ту

1846 г. квигу, которую вы мнѣ обѣщали доставить для чтенія. Благодарю, отъ сердца благодарю, любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ, за то радушное гостепрѣимство, которое я видѣлъ въ домѣ вашемъ,—за то неизмѣнное дружество, которое и донинѣ питаете ко мнѣ. Да будетъ и для меня священна память объ тебѣ, другъ незабвенный жизни семинарской,—священна память и о супругѣ вашей,—почившей Аннѣ Васильевнѣ“.

2-го числа іюля писалъ мнѣ изъ Переяславля Залѣскаго настоятель Никитскаго монастыря, архимандритъ Нифонтъ, бывший смотритель Муромскаго уѣзднаго училища:

„Ваше благословеніе,
а будущее высокопреподобіе!
батьюшко отецъ Иванъ Михайловичъ!

Я окаянный Нифонтъ, навѣрно еще незабвенный тобою, 26-го и 27-го числа истекшаго іюня былъ въ Лаврѣ пѣшеходя и отцемъ ректоромъ и инспекторомъ былъ отечески принять и получилъ отъ обоихъ по подарку. О. инспекторъ казалъ мнѣ письма о. ректора Поликарпа, коимъ просить онъ академическое правленіе принять тебя въ академію для образованія дальнѣйшаго,—и къ великому моему удовольствію, сколько могъ добраго знать и знать, все высказалъ ему объ тебѣ—и онъ радъ, что такого ученика имъ Господь посылаетъ. Бумагу о вызовѣ тебя на экзамень къ Владимірскому отцу ректору уже, — какъ сказалъ о. инспекторъ, послали. Дай, Господи, тебѣ преуспѣваніе и сугубое изліяніе благодати Господней“!

9-го числа писалъ я къ своему бывшему наставнику и покровителю, преподавателю Виwapской семинаріи, Я. П. Владыкину:

„Въ томъ предположеніи, что вы сколько-нибудь еще помните имя ученика Тихомирова, котораго нѣкогда удостоивали особеннаго вниманія, осмѣливаюсь прежде нежели буду имѣть счастье видѣть васъ лично, предувѣдомить васъ письменно о моемъ положеніи и предварительно попросить вашего покровительства и участія въ устроеніи новаго моего жребія. Тѣмъ болѣе осмѣливаюсь беспокоить васъ этою просьбою, что я очень хорошо помню ваше предложеніе, сдѣланное мнѣ касательно академіи, когда Вы изволили

отправляться въ послѣдній разъ изъ Владиміра. Не желая, 1846
или лучше сказать, не умѣя воспользоваться этимъ благо-
склоннымъ предложеніемъ въ свое время, я поставленъ въ
необходимость послѣдовать вашему благому совѣту теперь,
быть можетъ, и не совсѣмъ уже благовременно. Что это
значить, позвольте вамъ объяснить.

По окончаніи семинарскаго курса въ 1840 году, полтора
года потеряны мною совершенно почти даромъ. Наконецъ
въ 1842-мъ году я поступилъ въ Муромскій Богородицкій
соборъ во священника (со взятіемъ сироты); съ тѣмъ вмѣ-
стѣ получилъ должность учителя сначала въ приходскомъ,
а чрезъ годъ переведенъ въ уѣздное дух. училище; женою
Богъ наградилъ и умною и доброю. Казалось бы чего больше
желать молодому студенту: и слава Богу! я былъ крайне
доволенъ своимъ состояніемъ, тѣмъ болѣе, что въ короткое
время успѣлъ расположить въ свою пользу начальниковъ и
гражданъ. Но благополучіе мое было слишкомъ кратко-
временно: прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ мнимое благо-
состояніе мое поколебалось въ самомъ основаніи. Вседер-
жавному Промыслу угодно было испытать меня на зарѣ
счастія самымъ тяжкимъ искушеніемъ: я лишился въ апрѣлѣ
минувшаго года единственнаго въ жизни друга — жены....
Что въ такомъ случаѣ прикажете дѣлать? Оставаться въ
томъ же положеніи, при тѣхъ же должностяхъ? Семейныя
обстоятельства не благопріятствуютъ; я живу съ тещей, у
которой восемь человѣкъ дѣтей; изъ нихъ одна дочь уже
певѣста; при томъ юному вдовцу проводить жизнь среди
мірскихъ соблазновъ и искушеній не совсѣмъ-то безопасно.
Посвятить себя прямо монашеской жвзни? — Но праздная
монастырская жизнь устрашаетъ меня: я привыкъ къ по-
стоянной дѣятельности. Послѣ долговременнаго колебанія и
раздумья, по совѣту благонамѣренныхъ людей и соизволе-
нію Архипастыря, я рѣшился наконецъ вступить на по-
прище дальнѣйшаго академическаго образованія, разумѣется,
имѣя главнымъ основаніемъ особенную склонность къ нау-
камъ, а прямою цѣлію то, чтобы обезопасить себя на бу-
дущее время полученіемъ такой должности, которая-бы со-
отвѣтствовала моимъ наклонностямъ. Конечно, и здѣсь
предвидятся для меня не малыя затрудненія: по дѣлу уже
кончено; участь моя въ половину уже рѣшена. Семинарское

1846 г. правленіе, вслѣдствіе моея просьбы, исходатайствовало мнѣ у академическаго начальства дозволеніе явиться къ пріемному испытанію. Въ первыхъ числахъ августа я предполагаю быть въ Лаврѣ. Но какъ здѣсь я не имѣю знакомыхъ никого, кромѣ васъ: то и осмѣливаюсь заблаговременно обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ благосклоннѣйшихъ моихъ доброжелателей и наставниковъ. Не лишите меня вашего покровительства и руководства, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ моего новаго поприща. Всѣ ваши совѣты и внушенія въ точности будутъ исполняемы мною“.

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ Яковъ Ильичъ 16-го числа:

„Честнѣйшій отецъ Іоаннъ!

Пишу по крайней мѣрѣ хотъ для того, чтобы сказать, что письмо ваше отъ 9-го іюля мною получено. О достоинствѣ вашего намѣренія говорить нечего; вы избрали часть самую благую и по отношенію къ вамъ и по отношенію къ роднымъ. Для родныхъ при такомъ семействѣ очень важная вещь ваше мѣсто и прикрытіе невѣсты; для васъ не меньше, если не больше, важная вещь Академія и ученый ходъ, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ нужды, что этотъ ходъ былъ ближе и легче въ свое время, т. е. прамо по окончаніи семинарскаго курса. Вы и при мѣстѣ были не за сохой. И соборъ и училище требовали того-же ума, которымъ работали въ семинаріи и которымъ нужно работать въ академіи, а состояніе вдовства и намѣреніе поступить въ академію вѣрно заставили быть ученымъ больше, чѣмъ въ семинаріи. Потому пріемное академическое испытаніе вамъ не должно быть страшно, еще меньше имѣющая послѣдовать академическая жизнь. Разставляйтесь съ своимъ Муромомъ безъ большаго сожалѣнія, слезъ и опасенія за свою будущность. Богъ поможетъ. Лавра и академія слишкомъ скучны для васъ не будутъ. Вы говорите, что любите дѣятельную жизнь; только доберитесь до академіи: за дѣломъ дѣло не станетъ, —станетъ дѣла сколько душѣ угодно, только была-бы охота; и смотря потому, какъ будете расположены и будутъ спориться дѣла, свое отдадутъ какъ должно. Въ студентахъ, кончившихъ нынѣ курсъ былъ одинъ, поступившій изъ Пермскихъ священниковъ,

человѣкъ умный и занимавшійся какъ слѣдуетъ, — кончилъ 1846 курсъ академіи въ первомъ разрядѣ ¹⁾. Вѣруйте въ упованіе паче упованія: упованіе бо не посрамить.

Съ совершеннымъ желаніемъ вамъ добра и желаніемъ вскорѣ свидѣться съ вами есмь“....

20-го числа писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Сообщаю, или лучше сказать, возобновляю вамъ прежнюю новость касательно устройства моего жребія. Въ послѣднемъ письмѣ, кажется, я писалъ вамъ, что съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, измѣнятся мои намѣренія. Такъ и случилось: обстоятельства перемѣнились; измѣнился и мой образъ мыслей. Что прежде удерживало меня, тоже самое теперь побудило меня рѣшиться оставить Муромъ. Да, я пишу вамъ изъ Мурома, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Въ концѣ настоящаго мѣсяца я отправляюсь въ Сергіевскую Лавру: ибо я получилъ уже дозволеніе явиться къ приемному испытанію въ Московскую дух. академію. Какъ это произошло, я вамъ кратко объясню. Опасаясь рѣшиться на что-бы то ни было самъ собою, я писалъ къ о. ректору семинаріи письмо съ тѣмъ, что-бы онъ, объяснивъ мои обстоятельства Преосвященному, испросилъ у него архинастырскаго совѣта, какъ мнѣ лучше поступить: оставаться при настоящихъ должностяхъ, или вступить въ Академію для продолженія наукъ. Владыка изъявилъ соизволеніе на послѣднее. Послѣ сего я формальнымъ образомъ приступилъ къ дѣлу, т. е. подалъ прошеніе о дозволѣніи явиться мнѣ къ экзамену въ академію, — и давно получилъ уже разрѣшеніе. Конечно нѣкоторымъ покажется страннымъ мое предпріятіе: но не я первый, не я и послѣдній дѣлаю такую выходку. Вчера былъ у меня Саратовскій священникъ (по семинаріи старше меня курсомъ), который проѣзжалъ то же въ Лавру и съ такими же видами, какъ и я, оставивъ при томъ трехлѣтняго сына на попеченіе тещи; чего, впрочемъ, не сдѣлалъ-бы я, если-бы у меня живъ былъ Миша. Но какъ бы то ни было, а дѣло мое уже кончено: хочется, или нѣтъ, а надобно уже съѣздить въ Лавру, по крайней мѣрѣ для поклоненія преп. Сергію. Да, — я не совсѣмъ еще увѣренъ въ томъ, что не-

¹⁾ Геромонахъ Стефанъ Матвеевъ, скончавшійся въ 1853 г. отъ холеры на должности ин-спектора Тамбовской духовной семинаріи.

1846 г. премѣнно останусь въ академіи. Быть можетъ, обстоятельства заставятъ спягъ возвратиться въ Муромъ,—чего нѣкоторые крайне желаютъ, — да я и самъ, правда, много жалѣть объ этомъ не буду. Въ случаѣ поступленія моего въ академію (а это будетъ не прежде сентября), вы получите изъ Мурома нѣкоторыя, оставляемыя вещи, частію для сохраненія, а частію для собственнаго вашего употребленія. Въ противномъ же случаѣ, если не будетъ никакихъ препятствій, прямо изъ Лавры пріѣду къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ вы будете предъувѣдомлены отъ меня письменно“.

Насталъ, наконецъ, печальный день моей разлуки съ роднымъ городомъ Муромомъ, гдѣ я оставлялъ залоговъ самыхъ лучшихъ, дорогихъ привязанностей земныхъ — бранные останки жены и единственнаго сына. 23-го числа, въ день празднованія родной для меня святыни Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери, я совершилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ божественную литургію и послѣ оной молебень предъ мощами Муромскихъ чудотворцевъ — Петра и Февроніи. Здѣсь, предъ этою святынею, простился я съ истиннымъ доброжелателемъ моимъ, о. протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троепольскимъ и съ прочими членами соборнаго причта, получивъ отъ нихъ въ благословеніе образъ всѣхъ Муромскихъ чудотворцевъ, съ собственноручными на оборотѣ его подписями каждаго изъ нихъ. Образъ этотъ и до сихъ поръ хранится у меня какъ достопамятная святыня.

Послѣ обѣда я двинулся въ путь, сопровождаемый изъ города многочисленнымъ родствомъ. Отѣхавши версть семь отъ города, остановились. Здѣсь послѣдовало трогательное прощаніе; много пролито было слезъ съ той и другой стороны...

Сѣвши въ дорожный экипажъ, я погрузился въ глубокія думы о дальнѣйшей своей судьбѣ. 29-го числа я пріѣхалъ во Владиміръ. Преосвященнаго въ городѣ не было, онъ ѣздилъ по епархіи. Съ кѣмъ я видѣлся на этотъ разъ изъ родныхъ и знакомыхъ, не помню. На слѣдующій день, 30-го числа, отправился изъ Владиміра и къ вечеру пріѣхалъ въ г. Юрьевъ.

31-го числа, выѣхавши рано изъ Юрьева, къ вечеру пріѣхалъ я въ село Симу и здѣсь расположился ночевать.

Сима—большое и многолюдное село при р. Симкѣ; въ немъ до 1500 душъ обоего пола; принадлежало тогда Д.

ст. сов. князю Александру Борисовичу Голицыну — брату 1846 известной Татьяны Борисовны Потемкиной.

Въ Симѣ двѣ церкви — теплая и холодная. Последняя-Богоявленія Господня; въ ней замѣчательно мѣдное литое небольшое паникадило съ шведскою надписью 1692 г. Оно пожертвовано фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ, которому въ 1708 г. пожаловано было село Сима Петромъ I за побѣду надъ генераломъ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ. Въ Богоявленской церкви былъ погребенъ князь П. И. Багратіонъ, который послѣ тяжелой раны подъ Бородинымъ жилъ у своего друга князя Б. А. Голицына и здѣсь скончался; но въ 1839 г., по волѣ Государя Императора Николая Павловича, прахъ его перенесенъ былъ на Бородинское поле.

Священникомъ (старшимъ) въ Симѣ былъ мой товарищъ П. В. Сперанскій, женатый на дочери умершаго священника Приклонскаго. Онъ былъ въ это время боленъ; я посѣтилъ его, и онъ принялъ меня съ нѣкоторымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ бывший въ то время уже благочиннымъ.

1-го августа я слушалъ въ Богоявленской церкви литургію и былъ въ крестномъ ходу на рѣку. Тутъ я любовался расположеннымъ на противоположномъ берегу рѣки великолѣпнымъ помѣщичьимъ домомъ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ.

Послѣ обѣдни отправился я въ дальнѣйшій путь по направлению къ г. Переяславлю-Залѣсскому. Приближаясь къ городу, я восхищенъ былъ великолѣпнымъ видомъ озера Плещеева, при ясныхъ лучахъ заходящаго солнца. Прибывъ въ Никитскій монастырь, находящійся отъ города верстахъ въ трехъ, я принятъ былъ очень радушно о. архимандритомъ Нифонтомъ. Не долго оставался я здѣсь. Утромъ 3-го числа послѣшилъ въ лавру, отстоящую отъ Переяславля въ 60-ти верстахъ. Версть за 10-ть увидѣлъ я златоглавую лаврскую колокольню, блиставшую въ яркихъ лучахъ утренняго солнца. 4-го числа, въ 10-ть часовъ утра, въѣхалъ я въ Сергіевъ посадъ и остановился въ лаврской гостинницѣ.

Тотчасъ умывшись и переодѣвшись, я послѣшилъ въ лавру. Первое впечатлѣніе — изумленіе предъ огромностію

1846 г. лаврскихъ построекъ и сооружений. Вошедши въ Троицкій соборъ, я повергся въ глубокомъ благоговѣнн предъ святынею мощей угодника Божія Сергія. Поклонившись за тѣмъ прочей лаврской святыиѣ, я пошелъ въ академію.

Въ академическомъ саду встрѣтилъ я студента, перешедшаго на старшій курсъ, Семена Шимкевича—изъ Полоцкой семинаріи, и попросилъ его указать мнѣ дорогу къ академическому начальству. О. инспекторъ, архимандритъ Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ), которому писалъ о мнѣ о. ректоръ Владимірской семинаріи и которому рекомендовалъ меня Переяславскій архимандритъ о. Нифонтъ, принялъ меня очень благосклонно и тотчасъ же посоветовалъ мнѣ отправиться къ о. ректору академіи, который въ тотъ же день возвратился откуда-то съ ревизіи. Ректоръ, архимандритъ Евсевій (Орлинскій) припалъ меня въ гостинной и пригласилъ сѣсть въ кресло, но я не могъ позволить себѣ сѣсть въ присутствіи столь высокой особы. О. ректоръ обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— „Хорошо-ли вы обдумали свое предиріятіе вступить въ академію?

—Я и самъ объ этомъ много думалъ, и съ другими совѣтовался.

—У насъ не мало было подобныхъ примѣровъ, но не многіе окончивали курсъ съ успѣхомъ; только нѣтъ окончили курсъ студентъ изъ вдовыхъ священниковъ съ степенью магистра.

—Если ваше высокопреподобіе не совѣтуете мнѣ вступать въ академію, то я могу возвратиться и назадъ.

—Нѣтъ, я не къ тому это говорю, чтобъ отклонить васъ отъ вашего намѣренія, а что-бы предупредить, что на пути, на который вы намѣрены вступить, могутъ встрѣтить васъ не малыя искушенія“.

Этимъ и окончилась моя первая и послѣдняя съ о. ректоромъ бесѣда.

Отъ о. ректора пошелъ я къ эконому академіи и просилъ его указать мнѣ келью, гдѣ бы я могъ помѣститься. Экономъ, іеромонахъ Геронтій изъ студентовъ академіи XI курса (1838 г.), живаго и веселаго характера. Онъ указалъ мнѣ келью въ такъ называемомъ бакалаврскомъ корпусѣ, куда я тотчасъ же и перевезъ изъ гостинницы

своей, очень небольшой, багажъ. Въ указанной мнѣ кельѣ 1846
нашелъ я окончившаго курсъ іеромонаха Стефана (Матвѣ-
евскаго) изъ вдовыхъ священниковъ Пермской епархіи—
того самаго, о которомъ упоминалъ въ бесѣдѣ со мною
о. ректоръ, и перешедшаго на старшій курсъ студента—
изъ Орловской семинаріи, готовившагося къ постриженію
въ монашество.

На другой день обратился я къ бібліотекарю академи-
ческому, профессору Александру Васильевичу Горскому съ
просьбою снабдить меня учебными книгами для пригото-
вленія къ предстоящему экзамену. Почтенный Александръ
Васильевичъ весьма охотно исполнилъ мою просьбу.

5-го числа, послѣ всенощной подѣ праздникъ Преобра-
женія Господня, я былъ свидѣтелемъ умильнаго обряда
постриженія въ монашество помянутаго выше студента въ домо-
вой митрополичей церкви. Ему наречено было имя Серапіонъ.

Къ Серапіону часто приходилъ его землякъ, вступавшій
вмѣстѣ со мною въ академію, А. Е. Викторовъ. Съ нимъ
я тогда же познакомился, и наше знакомство, обратившееся
потомъ въ дружбу, какъ увидимъ изъ послѣдующаго,
продолжилось до конца его жизни († 20 іюля 1883 года).

На первыхъ же дняхъ моего пребыванія въ академіи
познакомился я съ молодымъ, только лишь окончившимъ
курсъ академіи, бакалавромъ, іеромонахомъ Феодоромъ
(Бухаревымъ), къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо
отъ Переяславскаго архимандрита Нифонта. О. Феодоръ,
изъ Тверскихъ студентовъ, не высокаго роста, весьма ху-
дощавый собою, съ живыми способностями и съ горячимъ
сердцемъ. Съ нимъ ходилъ я первый разъ въ Геесиманскій
скитъ, не задолго предъ тѣмъ основанный верстахъ въ
двухъ отъ лавры.

Не замедилъ я явиться и къ покровителю своему Я. И.
Владыкину, въ Виначію. Онъ и жена его Ольга Ивановна
приняли меня какъ близкаго родного и приглашали бывать
у нихъ, какъ можно чаще.

Осмотрѣвшись нѣсколько въ академіи и лаврѣ, я напи-
салъ въ Муромъ къ оставленному тамъ родному семейству.
Въ письмѣ своемъ подробно описалъ я свое путешествіе
отъ Мурома до лавры, сообщилъ о своихъ первоначаль-
ныхъ впечатлѣніяхъ въ академіи и лаврѣ и проч.

1846 г. Вотъ что было мною писано:

„По данному обѣщанію, снѣшу немедленно извѣстить васъ о своемъ положеніи; и, пользуясь свободнымъ временемъ, постараюсь описать вамъ подробно всѣ обстоятельства—отъ послѣдняго, трогательнаго прощанія съ вами въ чистомъ полѣ до настоящей минуты въ уединенной кельѣ академіи.

Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ добрыхъ моихъ родныхъ за то общее искреннее чувство, съ какимъ вы отпускали меня въ далекій и, можетъ быть, невозвратный путь. Послѣднія минуты моего съ вами пребыванія такъ живо напечатлѣлись въ сердцѣ, что я долго, долго не забуду ихъ.

Простившись съ вами около 7-ми час. вечера 28-го іюля, въ 11-ть пріѣхалъ я въ Булатниково, гдѣ оказалъ мнѣ радушное гостепрѣимство знакомый священникъ. Здѣсь пробылъ я не болѣе трехъ часовъ и отправился далѣе въ путь.

До Владиміра путешествіе мое совершалось обыкновеннымъ порядкомъ; только отъ непривычки-ли моей къ ѣздѣ, или отъ продолжительнаго безпокойства еще дома, здоровье мое такъ разстроилось, что я боялся далѣе продолжать путь: однакожъ, слава Богу, опасность миновалась. Во Владимірѣ я прибылъ я 30-го числа въ 9-ть час. утра. Во Владимірѣ я пробылъ ровно сутки; и все, что нужно было сдѣлать, сдѣлалъ; только не всѣхъ, кого хотѣлось, удалось видѣть. На другой день, выѣхавши изъ Владиміра, рассчитывалъ было непременно остановиться въ Юрьевѣ, чтобы увидѣться съ Александромъ Ивановичемъ Соловьевымъ: но случилось не такъ; я долженъ былъ уступить расчетамъ добраго моего извозчика; а потому чрезъ Юрьевъ довелось проѣхать въ глухую полночь, и утромъ 1-го августа пришлось остановиться въ знаменитомъ селѣ Симѣ, гдѣ, по случаю праздника, я почелъ за долгъ быть въ церкви, и кстатіи посмотрѣть на гробницу славнѣйшаго героя Русскаго—Багратіона. Тутъ же случилось мнѣ неожиданно исполнить заповѣдь христіанскаго братолюбія: я посѣтилъ больнаго своего товарища—священника, который занимаетъ мѣсто, предлагаемое нѣкогда мнѣ. Къ вечеру того же дня пріѣхалъ я въ Богоспасаемый градъ Переяславль. Еще за 11-ть верстъ, при ясномъ сіяніи вечернющаго солнца, раскрылась

предо мною краса города—пресловутое озеро Плещеево. 1846 г
 Признаюсь, не малаго труда стоило намъ, добраться по полямъ и по лугамъ до св. обители Никитской, отстоящей отъ города верстахъ въ двухъ или въ трехъ. За то добрый нашъ о. Пифонтъ—этотъ второй Сампсонъ странноприимецъ, своимъ радушіемъ и привѣтливостію вознаградила меня за всѣ непріятности дальняго пути. Увидѣвши еще издали, онъ вышелъ встрѣтить меня къ монастырскимъ воротамъ: вотъ примѣръ истиннаго, христіанскаго гостепріимства! Напивши съ дороги чаемъ, тотъ же часъ онъ поѣхалъ со мною въ Даниловъ монастырь, стараясь доставить мнѣ благопріятный случай видѣться съ о. ректоромъ, къ которому я привезъ изъ Владиміра пакетъ, и который на другой день утромъ хотѣлъ выѣхать изъ Переславля. Добрый старецъ принялъ меня очень ласково; одобрилъ мое предпріятіе, и разспрашивая о Муромѣ, между прочимъ сказалъ, что ему хотѣлось бы видѣть Муромъ; и, кажется, онъ намѣренъ исполнить это желаніе въ будущемъ сентябрѣ. Возвратившись отъ о. ректора довольно поздно, въ огромной залѣ о. архимандрита я провелъ ночь такъ спокойно, то-есть, спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не наслаждался даже въ Муромѣ. На другой день первымъ дѣломъ моимъ было—отслужить молебень препод. Никитѣ и осмотрѣть всѣ достопамятности монастыря. Потомъ, напившись чаю, мы опять отправились въ городъ: о. архимандритъ въ правленіе ¹⁾, а я въ Даниловъ монастырь (при которомъ находится ихъ Духовное правленіе) поклониться преп. Данилу. Тутъ мы въ другой разъ посѣтили о. ректора, по предварительному его приглашенію. Отъ него отправились осматривать достопамятности города. Видѣли огромныя, полуразрушенныя зданія, такъ называемаго, Горницкаго собора; были въ Θεодоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; любовались ботикомъ Петра Великаго; катались по гладкой поверхности широкаго озера; и наконецъ часа въ 3 по полудни возвратились во свояси. О. архимандритъ усиливался было еще удержать меня на нѣсколько времени: но какъ собственные мои виды, такъ и расчеты моего извозчика требовали не тратить напрасно времени въ до-

1) Духовное.

1846 г. рогѣ. Итакъ, въ 6-ть часовъ вечера я оставилъ гостепріимную Никитскую обитель, что-бы на другой день не запоздать явиться въ инюю, болѣе важную для меня, и священную для всякаго христіанина, обитель Троицкую. Переночевавши верстахъ въ 20-ти отъ Переяславля, на другой день (это было 3-е число) рано утромъ двинулись мы въ путь съ послѣдняго ночлега. Здѣсь оканчивается первая часть моего пятидневнаго путешествія, и начинается новая, замѣчательная, по крайней мѣрѣ, для меня.

Первымъ признакомъ того, что я нахожусь уже не далеко отъ главной цѣли моего путешествія, служили для меня толпы народа, попадавшася на встрѣчу и сопутствовавшася намъ: это благочестивые поклонники, стремившіеся только, или совершившіе уже благоговѣйное поклоненіе великому основателю и покровителю Свято-Троицкія лавры, преп. Сергію. Наконецъ, когда мы были уже версть за 10-ть не болѣе, въ первый разъ блеснули предо мной, въ лучахъ утренняго солнца, золотые верхи церковныхъ лаврскихъ зданій. И это неожиданное явленіе потрясло мою душу какимъ-то неизъяснимымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ, невольная молитва загорѣлась въ сердцѣ и на устахъ.... Въ 10-мъ часу утра вѣхали мы въ посадъ: ну, теперь слава Богу, думалъ я, путешествіе мое кончилось, можно будетъ хоть нѣсколько поуспокоиться: не тутъ-то было! Во-первыхъ, надобно было рѣшить трудную задачу: гдѣ остановиться? куда пристать, чтобъ имѣть возможность приступить къ дѣлу, какъ слѣдуетъ?—Еще въ Муромѣ рекомендовали мнѣ избрать для временнаго пристанища монастырскую гостиницу. И такъ и сдѣлалъ: подъѣзжаю къ гостиницѣ, спрашиваю перваго встрѣчнаго, какъ и отъ кого могу я получить комнату. Меня отсылаютъ къ монаху, который завѣдываетъ этой гостиницей; вхожу на лѣстницу: — шумъ, крикъ поразилъ меня; толпы народа разнаго пола, званія и состоянія на каждомъ шагу окружали меня: едва, едва я могъ добраться до упомянутаго монаха. Смиренный инокъ немедленно указалъ мнѣ номеръ, въ которомъ я свободно могъ расположиться. Кое-какъ переодѣвшись, я тотчасъ поспѣшилъ явиться къ академическому начальству, что-бы, получивши дозволеніе помѣститься въ академіи, я могъ воспользоваться тѣми же лошадьми, на коихъ при-

ѣхаль, для перевезенія изъ гостиницы моего имущества. 1846 г. Прихожу къ о. инспектору, — и первая неудача!... Мыѣ говорятъ, что о. инспектора дома нѣтъ; сейчасъ вышелъ-де къ о. ректору, и не прежде возвратится оттуда, какъ часа черезъ три, и что я могу явиться къ нему не ранѣе, какъ часа въ четыре по полудни. Погулявши съ полчаса съ двоими студентами по прекрасному академическому саду, съ досадою въ сердцѣ и съ сильнымъ аппетитомъ въ желудкѣ возвратился въ свою квартиру. Закусивши не много, хотѣлъ было съ дороги отдохнуть: по сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Дѣлать нечего, надобно было разсчитаться съ извозникомъ и отпустить его: ему нѣтъ пользы долго медлить въ посадѣ. Въ 4-мъ часу ударили къ вечернѣ: слава Богу! теперь по крайней мѣрѣ я могу имѣть нѣкоторое развлеченіе. Отстоявши малую вечерню (это было въ субботу на воскресеньѣ), и поклонившись преп. Сергію, я опять пошелъ къ о. инспектору. На этотъ разъ я имѣлъ уже совершенный успѣхъ, даже увидѣлъ болѣе, нежели сколько ожидалъ. О. инспекторъ принялъ меня очень благосклонно; удостоилъ даже напоить чаемъ, и не томъ, посоветовавши мыѣ явиться къ о. ректору, приказалъ адресоваться къ о. эконому съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ мыѣ для помѣщенія комнату. О. ректоръ принялъ меня съ важностію, свойственною его особѣ, и, сдѣлавши нѣкоторыя предостереженія въ разсужденіи предстоящаго мыѣ поприща, подтвердилъ приказаніе о. инспектора касательно моего помѣщенія. Итакъ, начало сдѣлано довольно удачно. Послѣ того я познакомился еще съ нѣкоторыми изъ студентовъ, коихъ нашла въ академіи. Студенты — народъ такой вѣжливый и благородный, что каждый готовъ былъ оказать мыѣ всякую услугу. Съ ними вмѣстѣ простоялъ я всенощное, которое служилъ въ академической залѣ, въ присутствіи начальства, нынѣ кончившій курсъ іеромонахъ, поступившій въ академію изъ Пермскихъ священниковъ. Послѣ всенощнаго о. экономъ указалъ мыѣ померъ, въ которомъ я долженъ былъ расположиться до общаго распредѣленія студентовъ. Оставалось рѣшить одно недоумѣніе: какъ мыѣ переправить имущество изъ гостиницы въ новую квартиру. Тутъ помогли добрые люди: о. экономъ предложилъ мыѣ въ услуги казенную лошадь, съ помощію коей я прѣблагополучно

1846 г. исправилъ всѣ свои нужды. Вотъ теперь я уже и въ академіи. Первую ночь довелось проводить мнѣ въ кругу двоихъ студентовъ, изъ коихъ одинъ упомянутый іеромонахъ, а другой молодой студентъ, готовившійся къ постриженію въ монахи. Общество это тѣмъ для меня было благопріятнѣе, что я заблаговременно могъ тутъ узнать и отчасти увидѣть всѣ обычаи и порядки академическіе, коимъ должно слѣдовать всякому поступающему въ академію. Слѣдующій день я посвятилъ на осмотрѣніе лаврскихъ достопримѣчательностей. Боже мой! сколько здѣсь священнаго, любопытнаго, удивительнаго! Недостанетъ словъ, чтобы пересказать вамъ все, что успѣлъ я видѣть тогда, и потомъ въ теченіе цѣлой недѣли“.

Съ 17-го августа начались въ академіи пріемныя экзамены. Сначала испытывали студентовъ, присланныхъ изъ семинарій по требованію, на казенный счетъ, а за тѣмъ явившихся волонтерами. Меня спрашивали по всѣмъ предметамъ, по какимъ и моихъ молодыхъ товарищей. Устный экзамень Богъ помогъ мнѣ сдать довольно удовлетворительно.

По окончаніи устныхъ испытаній, 27, 28 и 31-го ч. заданы были намъ экспромпты на слѣдующія темы: 1) „Преспѣяніе человѣка въ добродѣтели какое имѣетъ вліяніе на усовершеніе его религіозныхъ познаній?“—2) „*Quem usum afferat studium psychologiae homini christiano?*“¹⁾ 3) „Какимъ образомъ законъ *бысть пѣстунъ* во Христа“?

Въ академіи нашель я земляковъ—Владимірцевъ, перешедшихъ на старшій курсъ: Семена Вишнякова—моего питомца по Шуйскому училищу, Димитрія Доброхотова, Матѳея Архангельскаго и Андрея Холуйскаго.

Вмѣстѣ со мною вступили въ Академію слѣдующіе воспитанники Владимірской семинаріи: Григорій Быстрицкій,

¹⁾ Мимоходомъ замѣчу здѣсь, что я, получивши образованіе въ семинаріи, при господствѣ еще въ духовныхъ заведеніяхъ латинскаго языка, могъ писать на этомъ языкѣ сочиненіе дов. свободно, между тѣмъ какъ молодые студенты, вступившіе вмѣстѣ со мною въ академію, уже не обладали такимъ знаніемъ языка. Поэтому мой новый пріятель - Ви торовъ, о когоромъ было упомянуто выше, написавши сочиненіе по русски, перевелъ на латинскій языкъ не моль и попросилъ меня. Я охотно оказалъ ему эту услугу.

Яковъ Беневоленскій, Василій Взоровъ и Ѳеодоръ Остроумовъ. Изъ нихъ только Быстрицкій былъ мнѣ извѣстенъ потому, что его старшій братъ А. П. Быстрицкій былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ и былъ священникомъ при Покровской церкви села Дунилова.

3-го сентября былъ совершенъ въ лаврскомъ Троицкомъ соборѣ академическимъ братствомъ торжественный молебенъ предъ начатиемъ ученія. Вѣрно было и мнѣ облачиться на этотъ молебенъ, изъ чего я заключилъ, что я принять въ академію.

Съ 4-го числа начались уже лекціи и тогда же дана была для мѣсячнаго сочиненія слѣдующая тема: „De objectivo valore et dignitate sensualium repraesentationum in ambitu philosophiae“, т. е. „о предметномъ значеніи и достоинствѣ чувственныхъ представленій въ области философіи“.

Какой отзывъ сдѣланъ былъ о моемъ сочиненіи, писанномъ на эту тему, мнѣ не извѣстно.

Сообщу здѣсь предварительныя свѣдѣнія о преподавателяхъ и предметахъ академическаго преподаванія.

1. Преподавателемъ метафизики съ исторією древней философіи и нѣмецкаго языка былъ ординарный профессоръ протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій († 22-го авг. 1854 г.)¹⁾.

2. Преподавателемъ опытной психологіи и нравственной философіи былъ бакалавръ Димитрій Григорьевичъ Левицкій († 1856 года).

3. Преподавателемъ по классу логики и исторіи философіи средней и новой бакалавръ Ппполитъ Михайловичъ Богословскій-Платоновъ († 1870 г.). О немъ см. письмо м. Филарета къ намѣстнику лавры о. Антонію отъ 18-го окт. 1857 г., № 1181.

4. Преподаватель общей словесности экстраординарный профессоръ Егоръ Васил. Амфитеатровъ († 1888 г.).

5. Преподаватель всеобщей гражданской исторіи — бакалавръ Петръ Симон. Казанскій († 1878 г.).

¹⁾ Свѣдѣнія о Ѳ. А. Голубинскомъ заключаются въ его біографическомъ очеркѣ, составл. С. К. Смирновымъ, М. 1855 и., и въ „Воспоминаніяхъ графа М. В. Голстата“, въ *Душеспол чтеніи* 1866 г., ч. II, стр. 19—31 и 45—52, въ *Русск. Арх.* 1880 г. ч. III, стр. 405—430, и др.

1846 г. 6. Преподаватель русской гражданской истории и греческого языка—бакалавръ Сергій Константин. Смирновъ († 1889 г.)¹⁾.

7. Преподаватели свящ. Писанія: а) В. Завѣта—бакалавръ іеромонахъ Ѳеодоръ Бухаревъ († 1871 г.) и б) Н. Завѣта—инспекторъ архимандритъ Евгеній Сахаровъ-Платоновъ († 1888 г.).

8. Преподаватель математики и французскаго языка—ординарный профессоръ, протоіерей Петръ Спирidonовичъ Делицынъ († 30-го ноября 1863 г.).

9. Преподаватель геометріи и физики—бакалавръ Платонъ Ивановичъ Капустинъ († 1890 г.).

Водворившись въ академіи на правахъ казеннокоштнаго воспитанника, я успѣшилъ написать о себѣ роднымъ въ Иваново.

Вотъ что писалъ я имъ отъ 6-го сентября:

„Болѣе уже мѣсяца, какъ оставилъ я Муромъ и живу въ академіи. Но до 3-го числа сего мѣсяца состояніе мое было еще неопредѣленно; я былъ ни студентъ, ни учитель, и почти уже не священникъ, потому что въ цѣлый мѣсяцъ не довелось мнѣ совершить ни одной службы. Только 3-го сентября въ первый разъ приказано было мнѣ облачиться на молебнѣ, который обыкновенно совершается предъ начатіемъ ученія: это было для меня удостовѣреніемъ въ томъ, что я принятъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ.

Съ этого-то времени начинается новый періодъ моей жизни. Послѣ званія учителя, я снова принялъ титулъ ученика: хожу въ классъ, слушаю ученныя лекціи знаменитыхъ профессоровъ и умныхъ бакалавровъ, и начинаю исполнять прочія обязанности студента. Конечно, для васъ кажется страннымъ теперешнее мое положеніе; правда, мнѣ и самому сначала казалось дико быть въ кругу рѣзвыхъ юношей—студентовъ: но потомъ мало по малу началъ и я привыкать къ этому новому обществу, и товарищи мои

1) Свѣдѣнія о С. К. Смирновѣ и его трудахъ можно находить въ составленномъ проф. И. Н. Корстскимъ очеркѣ: „Протоіерей С. К. Смирновъ, бывшій ректоръ Московской дух. академіи“. Москва, 1889. Очеркъ этотъ помѣщенъ былъ предварительно въ *Прибавленіяхъ къ Твор. св. Отцевъ* за 1889 годъ.

смотреть уже на меня безъ малѣйшаго предубѣжденія, 1846 г
напротивъ, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Общество, въ
которомъ я постоянно живу, состоитъ изъ іеродіакона-сту-
дента и окончившаго курсъ іеромонаха, поступившаго въ
академію изъ священниковъ, по такимъ же обстоятельствамъ,
какъ и я. Жизнь наша втроемъ течетъ очень мирно и
спокойно.

Не подумайте, что съ переменною образа жизни измѣнятся
мои отношенія къ вамъ. Напротивъ, теперь я буду къ вамъ
еще ближе. Въ продолженіе четырехлѣтней академической
жизни вы опять будете для меня тѣмъ же, тѣмъ были въ
теченіе жизни семинарской. Конечно, это значитъ, что на
четыре года я долженъ быть у васъ опять въ долгу. Что-
же дѣлать?—Такъ Богу угодно. При добромъ здоровьѣ и
счастливыхъ успѣхахъ, это время пройдетъ незамѣтно; и
тогда—то я приступлю къ уплатѣ всѣхъ своихъ долговъ.

При отъѣздѣ изъ Муромъ, просилъ я матушку-тещу
переслать къ вамъ нѣкоторыя вещи, изъ коихъ однѣ, годныя
для употребленія, пусть поступятъ въ вашу пользу, а другія
поберегите до времени. Могъ-бы я подѣлиться съ вами
побольше, если-бы вы были поближе: но по причинѣ не-
удобства къ пересылкѣ, нѣкоторыя вещи я долженъ былъ
оставить въ Муромѣ, другія продать, а инныя, правда, взялъ
съ собою; и онѣ крайне пригодились мнѣ здѣсь.— Когда
получите упомянутыя вещи, прошу извѣстить меня“.

Вслѣдъ за тѣмъ, 8-го числа, писалъ я во Владимірѣ
о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу:

„Вотъ по милости Божіей и по вашему содѣйствію, я
получилъ то, чего желалъ, достигъ того, къ чему стремился.
Съ 3-го числа сего мѣсяца я состою уже въ числѣ дѣй-
ствительныхъ студентовъ академіи. Что теперь осталось
мнѣ дѣлать?—Принести сыновнюю благодарность вамъ и съ
помощію Божіею приняться за прежніе школьныя труды.

Такъ, участь моя устроена, и кажется, довольно прочно:
я теперь могу быть спокоенъ: но что будетъ съ оставлен-
нымъ мною семействомъ? Каково будетъ теперь его поло-
женіе? — Столь много облагодѣтельствованный вами, еще
разъ осмѣливаюсь обратиться къ вашему высокопреподобію
съ покорнѣйшею просьбою; осмѣливаюсь просить васъ не
о себѣ, но объ оставленномъ мною сиротствующемъ семей-

1846 г. ствѣ. Благоволите принять хотя какое либо участіе въ устроении его судьбы, тѣмъ болѣе, что теперъ преимущественно отъ васъ можетъ зависѣть или прежнее или бѣдственное состояніе онаго. Я увѣренъ, что если преемникъ мой получить священническую только должность при безприходномъ соборѣ, сиротствующему семейству нельзя будетъ ожидать отъ него почти никакой помощи. А въ такомъ случаѣ я опасаюсь, какъ бы мнѣ не пришлось отвѣчать предъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ за то, что я, заботясь о собственныхъ выгодахъ, оставилъ сиротъ тогда, какъ имѣлъ возможность оказывать имъ достаточно пособія. Постѣ сего понятно, какой помощи можетъ ожидать оставленное мною семейство отъ васъ, и что можете сдѣлать въ его пользу вы.

Ваше высокопреподобіе, милостивый отецъ и благодѣтель! Я чувствую, что, обращаясь къ вамъ съ такою просьбою, принимаю на себя слишкомъ великую смѣлость; но къ этому побуждаетъ меня, съ одной стороны, естественное чувство состраданія къ роднымъ, съ другой—твердая, на многихъ опытахъ основанная, увѣренность въ вашей отеческой благосклонности ко мнѣ“.

На слѣдующій день, 9-го числа, писалъ я во Владимірѣ же секретарю семинарскаго правленія М. И. Соколову:

„Не напрасны были ваши хлопоты; не осталось тщетнымъ ваше дѣятельное участіе въ устроении моей судьбы: съ 3-го числа настоящаго мѣсяца я уже числюсь дѣйствительнымъ студентомъ академіи. Правду сказать, не безъ труда досталось мнѣ это студенчество: экзамень былъ довольно строгій и продолжительный отъ 17-го августа и до 2-го сентября; спрашивали по всѣмъ почти предметамъ. Впрочемъ, устный экзамень я сдалъ очень порядочно; и въ этомъ случаѣ много мнѣ помогъ ранній мой приѣздъ въ академію (я приѣхалъ, по вашему совѣту, 3-го августа). Что касается до сочиненій, коихъ намъ дано было три — о достоинствѣ ихъ ровно ничего не знаю; но вѣроятно, не совсѣмъ дурны. Знаю только то, что сочиненія волонтеровъ читалъ самъ о. ректоръ.

Съ 4-го числа начались у насъ обыкновенные классы. Хожу въ классъ, съ удовольствіемъ слушаю чтенія профессоръ и бакалавровъ; начинаю уже подумывать о дан-

номъ философскомъ предложеніи. Не знаю, что будетъ 1846 г далѣе, а теперь академическая жизнь пока еще не наскучила. Признаюсь, сначала было странно видѣть себя въ кругу молодыхъ свѣтскихъ юношей: но потомъ мало по малу началъ привыкать и къ этому новому обществу, и студенты уже смотрятъ на меня безъ всякаго предубѣжденія, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Въ товарищи мнѣ пріѣхалъ было съ Кавказа іеромонахъ ¹⁾—учитель Ставропольскаго уѣзднаго училища: но онъ, по разрѣшенію графа, поступаетъ прямо въ высшее отдѣленіе. На основаніи этого опыта, думаю, можно было-бы и мнѣ такъ же сдѣлать: но я не знаю, много-ли чрезъ это можно было-бы выиграть—два года, не болѣе“.

Увѣдомлялъ я объ оставленіи и принятіи меня въ академію достопочтеннаго благожелателя моего, настоятеля Муромскаго Богородицкаго собора, о. протоіерея М. Гр. Троицпольскаго; и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10 го числа того-же сентября:

„Любезнѣйшій себратъ мой,
Иванъ Михайловичъ!

Не съ правилами политики, а съ сердечными чувствами отвѣтствую вамъ на усердное письмо ваше ко мнѣ, полученное сего сентября 10-го въ 9 час. утра. По оному, я имѣлъ скорый случай (предъ крестнымъ ходомъ) братіи собора и всѣмъ любящимъ васъ возвѣститъ о новомъ вашемъ званіи, и всѣ, слыша, поблагодарили, порадовались, пожелали вамъ счастливыхъ успѣховъ. Спѣшу переслать вамъ надлежащій доходъ по 10-е сентября, 45 р. ассигнац.

Вамъ, на новомъ поприщѣ, повторяю изъ 3 соборн. посланія Іоанна предыдущее — и паче всѣхъ *молюся о тебѣ, благоспѣятися тебѣ, здравствоватьи, якоже благоспѣетсяя тебѣ душа* (1 гл., ст. 2). *Миръ тебѣ, цѣлуютъ тя друзи* (ст. 15). Обнимаю и я съ семейными моими полнотою любви и почтенія къ вамъ“.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 17-го числа.

Благополучно прошелъ мѣсяцъ моей академической жизни. 2-го октября подано было мною профессору Э. А. Голу-

¹⁾ Моисей Рыбальскій.

1846 г. бинскому первое академическое сочинение на помянутую выше тему; а 5-го числа даны были намъ по классу опытной философіи слѣдующія двѣ темы:

1) „Какое вліяніе на нравственность имѣеть самонаблюдение?“ и

2) „Постепенное развитіе человѣческой души до сознанія и пробужденіе сознанія“. Я писалъ сочиненіе на первую тему, и вотъ какой отзывъ сдѣланъ былъ объ этомъ сочиненіи бакалавромъ Д. Г. Левицкимъ: „Просто, ясно, хорошо“.

Первыя впечатлѣнія академической жизни очень хорошо изъяснилъ мой товарищъ и землякъ Г. П. Быстрицкій въ письмѣ къ другу своему, студенту Кіевской духовной академіи Николаю Ивановичу Флоринскому отъ числа октября:

„Я пишу къ тебѣ изъ поваго міра — академическаго; да — это новый для насъ міръ, потому что все въ немъ иное; если пѣчто не новое, само въ себѣ, то въ новыхъ видахъ представленно. Со мною поступили въ академію В. О. Взоровъ, О. М. Остроумовъ и Я. А. Беневоленскій. Вотъ уже насъ ввели въ невѣдомую намъ прежде область философіи: сколько въ ней нищи для разума! Вотъ уже насъ познакомили съ различными взглядами на исторію и указали ту высокую гору, съ которой можемъ смотрѣть на различныя царства и народы, раздѣленные временемъ и пространствомъ, языкомъ и религіею, какъ на стройное цѣлое. Вотъ сообщилъ намъ новое понятіе о словесности. Мы слушаемъ О. А. Голубинскаго—знаменитаго философа, П. С. Делицына—знаменитаго математика и прочихъ почтеннѣйшихъ бакалавровъ: это уже не то, что въ семинаріи. На мой взглядъ жизнь академическая много превосходитъ семинарскую жизнь. Семинарія, какъ *письмя*, убиваетъ насъ, а академія, какъ *духъ*, животворитъ; да, душа получаетъ просторъ, живость, силу въ академіи, а въ семинаріи даютъ ее страхъ, отдаленность наставниковъ, каждодневные уроки, хотя они и нужны тамъ. Академическія занятія, кажется, менѣе вредятъ и здоровью. Мы не сами располагаемъ временемъ: далѣе 10-ти часовъ или по крайней мѣрѣ 11-ти и сидѣть намъ не позволяютъ; запираютъ занятныя комнаты, и мы уходимъ въ спальню, потому что

здѣсь, по новому устройству, комнаты занятныя отдѣлены 1846 отъ спальни. Для старшихъ студентовъ такой порядокъ не правится потому, между прочимъ, что отнимаетъ средства оставаться въ номерѣ—не выходить въ классъ; но для насъ молодыхъ, или незнакомыхъ со старымъ порядкомъ, новый доколѣ хорошъ“.

11-го числа дано было преосвященнымъ митрополитомъ академической конференціи слѣдующее предложеніе:

„Предметъ, который въ продолженіи немалого уже времени озабочиваетъ начальство духовныхъ училищъ, и который возбуждаетъ заботу и при обзорѣни академіи, есть потребность опредѣленныхъ учебныхъ и руководительныхъ книгъ по многимъ предметамъ. Трудно требовать отъ каждаго вступающаго на поприще наставника, чтобы онъ писалъ весь курсъ своей науки, и притомъ чтобы каждая часть науки достаточно соображена и написана была всегда къ тому времени, какъ ей надобно вступить въ назначенныя учебныя часы. Посему неудивительно, если вступившій на сіе поприще, частію читаетъ уроки предшественника, поколику находить ихъ удовлетворительными, частію, по ревности употребить собственную дѣятельность, частію опытъ, менѣе обработанныя прежде, обрабатываетъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, частію читаетъ онъ уроки по классической книгѣ, только не разсмотрѣнной и не утвержденной начальствомъ: въ цѣломъ же курсѣ, по причинѣ разныхъ рукъ, трудно быть совершенному единству. А студенты должны писать уроки многихъ наставниковъ, и истощать силы и время, которыя могли-бы съ большею пользою употребить на размышленіе о преподанномъ, на чтеніе и на сочиненіе. Начальству не довольно удобно наблюдать за правильнымъ и неотсталымъ ходомъ ученія, который только во дни годоваго и полугодоваго испытанія становится довольно открытымъ изъ головы или изъ письменнаго стола наставника. По сему въ ожиданіи рѣшительной сему помощи отъ благоусмотрѣнія высшаго начальства, для пѣкотораго уменьшенія затрудненій и для приблизительнаго по крайпей мѣрѣ движенія къ составленію учебныхъ книгъ не можетъ-ли быть употреблена слѣдующая мѣра:

1) Поставить въ обязанность преподавателямъ, при окончаніи курса, представлять конференціи большую или мень-

1846 г. шую часть своихъ уроковъ, удовлетворительнѣе обработанную, а по окончаніи другаго курса, другую.

2) Конференціи разсматривать сіи уроки, и поколику окажутся полезными и нужными для преподаванія въ будущемъ учебномъ курсѣ, литографировать или печатать оныя подъ своею отвѣтственностію, для внутренняго употребленія академіи, къ облегченію студентовъ отъ письма.

3) Экземпляръ такихъ уроковъ представлять епархіальному архіерею, по долгу своей службы обязанному имѣть наблюденіе за чистотою ученія.

Сей предметъ предлагаю на разсужденіе академической конференціи“ ¹⁾.

Это благодѣтельное предложеніе не было приведено въ исполненіе. Почему? — Не знаю.

28-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра шурицъ мой, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, С. Царевскій:

„Давно надлежало-бы, и я много разъ собирался, отвѣтить на ваше письмо; но неизвѣстность касательно соборнаго Муромскаго мѣста меня останавливала. Мнѣ хотѣлось въ своемъ письмѣ увѣдомить васъ,—кому предоставится мѣсто,—если нашему семейству, то кого произведетъ преосвященнѣйшій во священника. Не такъ-то было; до сихъ поръ еще изъ вашей академіи не присылается извѣстія о принятіи васъ въ число воспитанниковъ и я вынужденнымъ нахожусь писать къ вамъ; дабы не лишиться писемъ вашихъ, которыя для меня слишкомъ дороги, между прочимъ и потому, что онѣ изъ академіи, подъ вѣдомствомъ коей находится наша семинарія,—и откуда новости рѣкой льются.

Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, отъ вашей академіи никакого нѣтъ извѣщенія о поступленіи вашемъ въ оную. Неужели еще не было у васъ распредѣленія? Быть не можетъ, вотъ вѣдь уже два мѣсяца ученія! Самъ отецъ ректоръ Поликарпъ, у котораго я часто навѣдываюсь, педомѣвасть, для чего академическое начальство такъ медлитъ своимъ отвѣтомъ, касательно судьбы нашихъ студентовъ! Долгая неизвѣстность для нашего семейства, при настоящихъ обстоятельствахъ, опасна. Изъ Синода прислано

¹⁾ См. *Душеспол. Чтеніе* за 1879 г., ч. III, стран. 521—522.